

ЛЮДМИЛА
СУРОВА

РАДОНЕЦ-САД

НОВЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
Университетская книга
2009

УДК 84(2Рос=Рус)5-6
ББК 881.161.11
С90

Сулова Л.В.

С90 Радонец-сад. Новые стихи. М., Университетская
книга, 2009. – 196 с.
ISBN 978-5-91304-091-6

УДК 84(2Рос=Рус)5-6
ББК 881.161.11

«Радонец-сад» – новая поэтическая книга члена Союза писателей России, бакалавра богословия, известного православного педагога Л.В. Суловой. Она вобрала в себя стихи последних лет. Это духовная книга: все события переживаются и осмысливаются автором в свете Священного Писания и Предания. Вся жизнь, каждое движение души автора сопряжено с библейскими церковными образами и христианскими понятиями. Именно язык Церкви является для автора камертоном.

Другая особенность книги – высокая гражданственная позиция автора. Святость и совесть – вот путеводные звезды поэзии Л.В. Суловой.

Книга «Радонец-сад» – нелегкое чтение. Она будет интересна духовно устремленным, мыслящим людям и всем, любящим поэзию и Россию.

Книгу дополняет «Разговор о звуке» Ольги Сергеевой – краткий обзор творческого пути Л.В. Суловой.

Отзывы о книге отправляйте на сайт lv-surova.ru.

© Л.В. Сулова, текст, 2009

© Т. Малюкова, обложка, оформление, 2009

ЕЩЕ ОДНА КНИГА

Еще один покинутый дом.

Хозяин ушел по призыву, а дверь оставил открытой: входи, друг! — найдешь здесь собеседников.

Как же, ведь ты сказал — хозяин ушел!

Да, но он жил здесь и оставил свои слова. Смотри, они, как птицы, сидят в саду на деревьях, а эти бабочками покрыли всю клумбу в палисаднике. А вот эти, прозрачные, облаком просочились на террасу и льнут к окну живым занавесом, вот облепили лампу, играют со светом...

Стало быть, здесь очень шумно и много споров!

О нет, в этом доме так долго молчали, что он уже не может забыть сладости тишины. К тому же слова все приручены, знакомы с высокогорной упряжью.

Чудны речи твои. Зашел бы я поглядеть на это диво, да свой дом строю. Сейчас, ты знаешь, все что-то строят.

Да, да. Ну приходи не жить, а... свое забыть!

Как это, зачем?! Да и... разве его не займут? Поди, хозяин вернется?..

Он далеко, и птица спины не увидит, и но́ги его не пустят...

Другие же, как ты, точно, будут заходить, как украдут часок. Да не бойся, лбами не столкнетесь.

P.S. Прости, читатель, вот такое получилось авторское предисловие...

Л.В. Сурова

* * *

Все ждут дождя, а он ждет, видно, ночи,
Чтоб барабанить в крышу что есть мочи,
Чтоб лить без соглядатаев и спросу,
Кювет наполнить, забытую проржавить косу,
И землю целованьем молодить,
И речку молотить и молотить.

Как мотыльки снуют под лампой на крыльце!
Не вечная, но память об отце,
Тесал с охотою фигурные столбы,
Лишь бы дочурке в радость – в счастье бы!
Но обходило счастье стороной,
Но и несчастья не знавали зной.

Разве полуденный, июльский, трудовой,
Когда – машин, когда – и сердца вой,
Разве теснотами всечасно тяготясь,
Свободой мучились, у классиков учась,
И примеряли их дворянские слова,
И кругом шла иной год голова.

Теперь, перед дождем, перед грозой
Разлиты запахи богатою лозой,
И дышит вечер нового обряда,
И ничего уж от земли земле не надо –
Лишь человека чтит, его словесный сан:
Не противоположит он небесам.

Май 2009

С
Т
И
Х
И
2
0
0
5
•
2
0
0
6

* * *

Хоронясь за тучу,
    подбирая лучи, как юбки,
        чтобы в ручье не замekli при переходе,

Тенью осиявáешь любимую землю –
        пусть отдохнет от света,
                с которым сжилась.

Не ощутит ли его,
    не обнаружит ли в сердце своем
                                этого злата,

Тысячелетья текущего медом,
                                медом и манной.

1 июля 2005

* * *

Умерь потоки, небо!
Иначе ей, земле,
И нам, на ней живущим,
Лица не убережь!

Весь переулок превращен в ручей!
Бурлит, напорист!.. Хорошо, что склон
Ему дорогу незаметно кажет
К реке... давно в гранитных берегах.

21 июня 2005

* * *

Племя праздношатаев,
не строителей,
но зато и не торговцев.

Променявшее души на ответ,
на отзвук еще не рожденного...
Да и родится ль?

Перепиливаемо, гонимо,
презираемо – мытное племя!
С жизни подать собирать...

С каждого клена –
резные печати
на государевы свитки.

С каждой реки –
слезные вздохи,
вдовьи улыбки.

С каждого поля –
военные песни,
кости, кости безумного Иеремии!

Не так ли нектар добывает,
в цветок залезая, раскрывшийся кстати,
в роскошные недра его,
пыльцестяжатель шмель?!

1 июля 2005

* * *

Обезумела фиалка
и цветет, цветет, цветет!
На дворе мороза палка,
люди, нахлывшись, бредет.

А у ней по жилкам синим
огнь искристый поднялся.
Грезит праздником весенним –
вся болит и жаждет вся!

7 декабря 2005

* * *

Поплачь, батюшка!
Поплачь о моем сыночке!
Плакать никто не может,
Все только учат.

Схоронил сердечко,
Не слышит уже, не видит,
Думает, в жизни живет,
А живет в смерти.

Поплачь, матушка,
Поплачь о моей дочурке!
Краса, да застыла в шубке,
Коготочки-льдинки сверкают...
бусинки ли на шее?..

А вот бы их в поле бросить!
Взойдут, поди-тко, репьями...
Соберем их в венок колючий
С лиловым драконьим глазом

И пустим по нашей речке.
Как доплывет до запруды,
Будут в нем водомерки
Скользить, как по льду циркачки.

А мы на бугор взберемся,
Стоит он, глиной осевший,
Смотрит на наши игры –
Ну что с них возьмешь, с сестричек?

Март 2006

* * *

...И не успели выкопать герань,
И вереск лапником укрыть –
Всё разговоры, разговоры...
А ночью – снег,
Как смерть в пути.
Непоправимая свобода от дел.
Пуховой тишиной покрыло все:
Долги, счета, да и слова...
И яблоки, вчера не собранные,
Сегодня под яблоней уж не найти...

Вот так же Ты придешь!
Небесным светом прервав заботы.
И чувств костер, и мыслей ворох
Останутся единственной одеждой
Испуганной, грядущей в свет души...

5 ноября 2006

* * *

...Еще не всю покрыл ее...
Где пашня, лишь белые поставил гребешки,
лишь травы опушил сухие.

У комелька черешни молодой
Свил белое гнездо;
Напал на сливу, изорвался о шипы.

У яблони нашел в листве укрытье,
Занес мостки...
Стой, жизнь! Зима, зима пришла!

Но глянь-ка, женщина спускается с бугра,
Похоронила брата, мужа, сына,
По первому снежку идет на речку
С горою белого белья – прополоскать.
И рук не жалко ей, и свет от снега
Ей радостен,
и радостен, и мил.

Ноябрь 2006

* * *

Людие мои, блажащие вас льстят вы
и стези ног ваших возмущают.
Кн. прор. Исайи, 3. 12. (слав.)

Звезда опустилась мне на руку,
здравствуй, звезда!

Откуда упала, куда тебя отнести,
Не будешь же ты со мною в этом аду –
Место тебе в небе, где все светила.

Сияет, щекочет лучами застывшую руку,
Съежилась вдруг в перстенок, прижалась к пальцу,
Огонь погасила в себе, чтоб не обжечь ненароком.
Что ты, царица! Не обозналась ли? Мне ли тебя?!

Спас улыбается с низкого свода в греческом храме,
Собою обымает входящих –
Людие! Люди любимые! Люди мои!

6 ноября 2006

ЗАПАДНЫМ ВЕТРОМ

Родосский дневник

Памяти поэта Геннадия Айги

1

О, моя белая Греция!

Так вот за что великий Байрон отдал жизнь!
Не чья-то беженка-свобода,
но новая любовь его настигла.

Птица стоит против ветра,
могучую силу его
смирняя крылом беззащитным.

Дрожит, золотясь,
куполочек над усилием дерзким.
Сосны трепещут приморские,
кланяясь ей.

2

Гроза разразилась в Афинах
у Олимпийского Зевса, у храма его
в день Пресвятой,
в Богородицы Рождество.

Как спорил Зевс с Кротчайшею из жен!
Как рушил вечные твердыни неба!
Как молнии сыпал, колесом вертел,
взбешен в своем доме высокогорном...

Жди камнепада,
серного дождя,
огня бушующего...

Но в ответ – лишь слезы,
сначала капли теплые, потом...
потом потоки...

Искупительной рекой,
не быстрой, не сбивая с ног прохожих,
но омывая и моля, моля
за всех идущих...

Ну как ему снести такую тихость?!
И как спастись от этой необъятной,
не требующей ничего любви?!

Наутро город был полон родников,
и в каждой выбоинке камня вода стояла,
золото с водой...

А небо?
Да вовсе не было его.

3

Дождь улетел.
Солнце взялось
за свое, за привычное дело...

Если сидеть на берегу моря долго,
а не просто попользоваться его ласками
и зарыться в песок.

Если смотреть на него и смотреть,
а оно не всегда разрешает,
отгоняет пустой любопытный взгляд
западным ветром...

Но сегодня, чу! календарная пауза ветру,
Крест воздвиген над миром,
и Крест возвращен из плена,
и облако – белым крестом –
пало на остров.

Море недвижно,
солнце, стыдясь,
занавесилось тряпочкой света.

Серебряной гальки шуршащие тени
вьются, стопу не сжигая,
идешь – как летишь...

И после каждого слова,
и перед замершим каждым
небо морское – другое.

4

Застыли в небе и ольха, и вишня,
и лиственница, спутанная с дубом, и липа у дороги...
...Безветрие приснилось в родном краю.

Сегодня дышать тяжело.
Тучи проходят над Родосом
на высоте, невыносимой для сердца.

Видно, в родной стороне
ливни замучили землю...

Или папа болеет
и весточку слезную шлет.

5

Прямо за Акрополем – некрополь,
Так и соседствуют два града,
два врага.

Он вышел в сад.
Покуда на земле растут оливы,
Горючую молитву эту
им не забыть.

Сентябрь 2006
Родос. Международный дом писателей

БЛАГОВЕСТ

Памяти монаха Иоанна

* * *

Благовест? или сердца удары?
или ты идешь?

Кары боимся?
Больше кары,
Что «всяк человек ложь»!

Так что ж оно любит?
по ком оно плачет?

Кого, кого оно ждет?
Кто это на горизонте маячит?
По облакам идет?

10 марта 2006

* * *

Это птица, а почудилось – телефон!
Вскочила с постели, ищу – где он?
К окну кинулась далеко-далеко не сразу,
А она все тинькала птичью свою фразу.

Все звала, вертелась, аукалась, все веселилась,
В керосиновом солнце пивном, поди, умылась!
Забыла, забыла мертвящую нашу стужу –
Воскресла, на тебе!

душой и песней наружу!

26 апреля 2007

* * *

Доброе утро!

...Но там у тебя
есть ли утро?

Заходит ли солнце

по ту сторону жизни?
Солнце Правды.

Конечно же, нет!

Не заходит.

И ты не знаешь ночи?

и ночи молитвы?
и ночи объятий жарких,
и ночи чтений,
и ночи немых бормотаний,

Когда слова в округе

вроде и не слова,
а стоны, вздохи,
скрежет зубов до утра!

И сжалившись,

белым снегом
Господь покрывает душу
земли унылой,

И вот оно – утро жизни,

живи же, живи его!

30 октября 2007

* * *

Руки разжал
и отпустил на волю,
Чтобы билась боками
о все ледяные стены
собственной жизни;

Чтобы, вымокнув
в серном дожде слез,
Искала просто лужайки,
лужайки птенцам отдохнуть;

Чтоб ввечеру
на берегу неизвестной речушки
Выводила грустные трели
об утекающем, мимо текущем
счастье.

14 января 2008

* * *

И снега-то нет на крыше,
  откуда капель?
Золотою нитью светится,
  рвется, дробится,
  а не престаёт.

На месяц Сретенья раньше
  Серафим улыбнулся весною:
«Вспомни Христа, друже,
  воскресни, радость моя!»

15 января 2008

* * *

Перед тем, как тебе заболеть,
Пустая горит лампада:
Помни, куда течь
Из этого нижнего града!

Друзей не ищи рук,
Взглядом цветок не мучь,
Упаси от хромлющих слуг
Среди этих рвов и круч!

Аукаться с ними в ночи –
На привязи сердце держать.
Это, как наши врачи, –
Ни страдать не дадут, ни рожать.

Будто бы не воскрес
Чающий чистоты!
...Тополиный и выгорел лес,
Да столп по-над лесом – ты.

Дымный, едва заметный,
На всякое слово ответный.

2008

* * *

Спят ли души ушедших?
Спит ли ангельская, твоя?
На груди ли у Бога?
Или в ангельских же руках?

Конечно, не спишь.
Как молиться привык на рассвете,
Так и сейчас, слышу,
Стоит душа на молитве
Ночью с двух до пяти.

А рассветет,
Глядит на родимую землю,
Где ее так любили, –
К кому лететь на работу?

Теперь она – горлица на часах,
Вместо той, что сгорела в келье,
Вместе с ходиками,
Со временем смерти вместе...

Ходики вечные, свяжете ли огнем молитвы
Наши безумные жизни?

2008

* * *

Если б я тебя не предала,
    мог бы жить, учась и воюя.
И вода бы в колодец пришла,
    что ты вырыл, как шахту, вручную.

Утекли бы и други в леса,
    им, лихим, стало б скучно молиться.
Отступила бы клятва-лиса –
    грехописаний страницу

Вырвал бы Бог наш и Брат!
    Да усомнился отряд
Чувств – предательских слуг...

Вот так же поднял испуг
Самсона с одра,
    со дна
    страсти:

Она, она!..
Та, что звалась жена,
Оказалась своим верна!

И бритого, сердцем зрячего,
    (и что ему замаячило
    в этой филистимлянке?)
Отдала на игры-приманки.

И сила его отступила,
И щит оказался разбит.

Вот такая Далила...
В огне до сих пор горит.

5 октября 2008

* * *

В дому нашей жизни
любовь – птица,
впорхнувшая в форточку сердца.

Не твоя ли душа, уходя,
Выпустила ее из рук –
Лети!

Пусть они вспомнят тебя!
Ведь знали когда-то...

И вот она бьется о стекла,
мечется в стенах...
Разве что клетку соорудить,
приручить потихоньку?
Чтоб пела, когда откроют,
снимут с нее покрывало.

...Не плачь о случившемся!
Не предавать ее
здесь мы не можем!
Склеп нам дороже –
выбелен он и любим.
Пленницу певчую
держим лишь для забавы...

Вот куда Бог спустился!
Откуда вывел!

Дверью сказался,
Вымостил путь Собою,
Света насыпал –
Кормиться моей щебетунье.

2008

И сердце, сердце, смотри-ка,
Как за мячом девчонка,
С садовой дорожки жизни –
В кусты, крапиву и в яму!..

Игратья ли больше нечем?!
Придумало тоже – память!
Дел, поди, не переделать,
И что так стоймя-то стоять?!

2008

* * *

Когда обымет могила
мятежное это тело,
Объятыя, поди, успокоят,
придётся ему по вкусу.
Крепко, крепко держи,
сжимай плечи и сердце.
Только в руках Твоих, только...
жить и согласна.

Октябрь 2008

* * *

Нету молитвы –
И гаснет огонь лампы,
Как его ни зажигаЙ!

Учит Господь
Слушать слова Его
Сердцем.

25 июля 2008

* * *

Поэзия – посох.
    Как без нее в пути жизни!
Не тросточка денди,
    а крепкая палка слепого,
Потерявшего очи
    в неправедной битве, на тризне
Сердца, томимого жаждой,
    неистового, молодого...

2008

* * *

Как перекрестно свет играет
Из одного окна в другое.
Свивается, кружится, взлетает,
Пока не встретится с тобою.

С твоим угарным бытиём,
Таким тяжелым и тягучим
В его дому!

...И вот вдвоем
Уже мы шествуем по кручам.

2007

* * *

Подвижник и поэт в одном лице
как уживутся?!
Один доверчив к миру, все цветы
готов опеть
И сердце привык держать открытым,
чтоб цвело.
Другой –
сторожевой.

27 мая 2008

* * *

Опекающий ангел,
Возвестивший благоуханьем,
где мне стоять!

Сколько позора
Принесло тебе падшее сердце!

Сколько неведомых слез ты пролил
Над окаянным
моим,
жаждущим жизни телом!

Как же тебя не спугнула
моя своевольность?!

Пленник святой
или посланник свободный?

Благодарю!

Вместе ли созданы,
верный из верных?

Вместе ль уйдем?

30 ноября 2008

* * *

Как ты видишь меня со своих небес? Молодой?
Как на фото, красивой?
Или нынешней, с крашеной головой
и усталой уже, боязливой...

Как предстанем Творцу?
Не в бессилии ж тел,
не в уродстве согбенных спин!
Всех оденет к лицу –
ко святому венцу,
Кто просил и кто не просил.

И листом, задержавшимся на топольке,
зеленеть уж не надо нам:
Не бывает зимы во Твоей руке,
и не тесно сердцам и умам.

6 октября 2008

* * *

Прилетел комариком будить,
А я не поверила – закрылась.
Как в такую темень выходить? –
В голове крутилось и крутилось.

Ну не хочешь, вот тебе слова –
Складывай дома, крепи лесами:
На дворе... дрова или трава?
Выбирай тропу, Иван Сусанин...

И Господь вот так благоволит,
То одно предложит, то другое,
Ждет меня в дверях и не корит,
Слышит мое сердце дорогое.

7 июля 2008

* * *

Сегодня тульские святые –
Вот почему теплынь и тишь.
В груди березовой России
Теперь и ты столпом стоишь
Неназванным...

И шлешь приветы всем милым,
и балуешь жен.

И сладко им: довольны миром,
В котором Крест сооружен.

6 сентября 2008

С
Т
И
Х
И
2
0
0
7
•
2
0
0
9

* * *

Не смотри на ночное светило,
Этой мглы ядовитой не пей!
Оно столько уже отравило
Всепечальной песней своей.

Оно столько заставило клясться,
Отступаться, молчать, предавать!..
А иных отправляло скитаться,
На вершинах мира стоять.

Март 2007

* * *

Казалось бы, цветок...
И что всему растению,
    что сломан оказался кончик
Готовящегося к цветению ростка.

А он застыл в оцепенении;
Ни подкорм, ни уговоры
    не помогали.

Как быть теперь?!
Ведь силы все, все
Были отданы в работу славы!
    Славления!...

Теперь бояться будет жить,
    покуда корень
Не утешится во тьме
    и нового гонца
Не вышлет царствовать и петь.

А то – сопьется начисто
И ўмрет от придуманной тоски.

3 ноября 2007

* * *

И.М.

Скучаю по вас.
Ваши книги без вас читаю,
И ваши пометки на книгах чужих
Открывают мне ваши мысли.
И они созвучны моим. Или вправду мои?..
А встретимся вновь,
Опять будут полнить обиды,
Неловкость, непониманье...
Опять – чужие.

16 апреля 2008

* * *

Какие красивые женщины есть!
Какою-то тайною тайной
Охвачена вся – и здесь, и не здесь,
И взгляда не бросит «случайно».

И кажется, все ей послушно, должно,
И жаждет ее воцаренья.
И солнце украдкой к окну подошло –
Хочу уберечь от старенья!

Лето 2007

* * *

В новое время попадаешь,
как в капкан, на приманку.

Мы встретились ненадóлго,
мы только расселись
на новом пиру городском.

Мы только узнали,
кто этот и тот,
и имя с лицом связали...

Мы только налили
в бокалы вина
привозного...

Как вдруг затрясло, задуло,
а где-то, сказали,
заполыхало.

А где-то потом закричали...

Всё стронулось с места,
рванулось...

Бежать?
Но куда?..

2008

* * *

В наших снегах увязали все:
немцы, французы, поляки.
Если маршем идти по земле –
она далеко не пускает.

Но электронный десант у нас
препятствий себе не встретит.
Его и не числят врагом,
и не боятся.

Подумаешь, movi'ки разные там,
шоу,
Глупость да дурь –
попялиться да посмеяться...

А вышло-то боком:
вышли чужими дети,
Как иностранцы в семье.
А с сыном отец не воюет.

Вышла Москва из своих берегов,
бьется с гостями.
Вышло дыхание песен, поэм...
Воздуха, воздуха нету!
В пустоши вышла деревня,
луга онемели...

Лишь люди по клеткам –
по клеткам сердец, по стальным.

2008

* * *

В этом тонущем корабле мира
Беготня по палубам, толчея.
Где, скажите, с какого борта
Спускать будут на воду шлюпку?

И сколько с собой поклажи
положено, и какой?

2008

* * *

Жеманный слог

        строке дает игривый шаг.

И мысль в павлиньем покрывале

        идет, танцуя, по коридору речи.

Подглядываем: кто это? куда?

        И главное – к кому навстречу?

2008

* * *

Цидония, японская айва,
Привитая к российскому бугру,
Угелась, зацвела – а тут мороз!
А после – ливень леденящий на неделю.
Не наш, но нашей порождение души –
Так всем сказали... А она,
Как русского не знала, к земле все жалась,
Жалась и... спаслась,
Как русской глиной многие спасались
Во времена лжедмитриев, лжевер...

Лето 2008

* * *

На русском много нерусских песен,
Сыплют, сыплют мелочь в карманы,
А то и тебе подадут копеечку в сердце.

Но наши поля не растут чужим серебром.
Вот они вновь обнажились от снега и от безделья,
Лежат против неба: ты, а это вот я!

Только что жесткой дорогой бока прободили,
Чтобы крутились колеса быстрее и дальше,
Чтобы гостям до завтра скифию эту объехать.

Лиса ли сверкнет под фарой?
...Ни маяков, ни вех!

17 марта 2008

* * *

Родилась отчужденность
И растет, как младенец,
Питается взглядом косым,
Словом колючим крепнет.
И не болеет, как мама и Саша.

Вот уж и на ноги встала,
Заговорила
На языке непонятном,
А вот и понятно...

И быстрая стала, всюду поспеет.
Теперь уж, гляди, не ты ее,
А она тебя пеленает...

Так вот, Вавилония, что за младенцев,
И много, много ты породила!
Разбить бы о камень,
                    как наказал могильщик Давид.
Да как-то уж слишком!.. сурово...

Чувство, чувствовалище, душка, душа –
Выжжет Бога из сердца этот младенец.

2008

* * *

Папа с новой коляской
Нарезает круги по двору.
Что там с Камчаткой-Аляской?
Какой штандарт на юру?!..

Он с бабушками на скамейке
Газонной войной объят.
На нем, как на дудке жалейке,
Играют все ветры подряд.

В офис жена укатила,
Махнул – поезжай! – рукой.
Сдала ли мужицкая сила?
До срока ль пошла на покой?

Дрогнет подземная речка,
Перейдет колесо бугорок,
Вырастут сын или дочка,
Отчих не видя дорог.

Дух будет прочь стремиться,
Учи его, не учи...
Так русской жизни страница
Вырвана, хоть кричи!

2008–2009

* * *

О доброте не говорят, ее творят.
Порыв плечо подставить или грудь,
Принять удар и с миром отпустить,
Не дожимать, чтобы запомнили урок,
Преполенный учителем-судьбой.

14 марта 2008

* * *

Ищет отец покровительства сына...
М.А. Дмитриев. «Московские элегии»

Как свет играет в котловине!
С ольхи на иву, с тополя на вяз!..
И янычаров будит ...

Отец повязан чувством к сыну.
Сдаёт поочередно все вершины,
С которых мир ему когда-то открывался.

Дитя растёт, и на тебе! – ознался!
И скоро не главою, а землей,
на чем стоит,
Отца обгонит. Тот благоволит...

И вот остался, голову задрал:
Сыночек сияет в поднебесье!
И облако, по виду морда песья,
Летит служить ему,
хватает за рукав...

2008

* * *

Телу Господь уготовал возможность встречи,
Головы наши встречаются только в слове.
Когда тебе доктор палочкой лезет в ухо,
Страх топит душу, стойте, туда нельзя!
Эти воротца златые закрыты, только слово
Там умещается всем своим населением:
Гамом, шумом, топаньем, бляньем, рыком,
Сладким свистом, громом, разрядом, воем...
Вдруг расцветает садом, одурью маков,
Вдруг соединяет тела, двух тел половинки,
Вдруг утопает в слезах, в озерах соленых.
...Растаяло вдруг... много озер на свете...

2008

* * *

Две недели слива горела.
Горела особенно ночью,
Лунным горела светом,
Бугор пробуждая к жизни.

Таджик на огонь засмотрелся,
Развился пламени свиток,
Колет клинком небо,
Воздух сосет сладко.

Это ли майское утро
Русской земли потуги?!
Силится жить – а нечем!
Куда подевалась сила?

Половина в глине увязла,
Половина спутана словом.
А тот, кто и вышел в поле,
Забыл, забыл, как сеять.

14 мая 2008

* * *

У правды много языков,
У лжи – одна ухмылка.
Во сне, в беспамятстве веков,
Она – врагу копилка.

Ведь есть же он,
Как ни крути гуманистическую песню,
Дурит, морочит дом Москвы,
И ряженный кремлевский эшелон,
и трудовую Пресню.

Всем, всем раздать слова
Торопится делец,
Покуда солнце правды держим втуне.
И вот уж образом здоровой жизни одержим,
Реликтовый москвич предал Москву фортуне.

31 мая 2008

* * *

Обочина едет,
Дорога стоит,
В затылок Москва толчется.
Почти что в песок стоптали гранит,
А в руки звезда не дается.

Не тех ли молоденьких братьев-солдат
Она златоустая память,
Что землю покрыли, как майский град,
Как цвет небесный, полвека назад,
Да в славу их не обрамить.

Не верили в духов, не чтили креста,
Молитв, и подавно, не знали,
Жизнь их была как береста,
На которой приказ начертали.

Не слово любви, а слово «умри»
Вышло с белым лицом,
И вспыхнула береста огнем
Перекрестным бойца с бойцом.

Теперь помирились они с душой,
С просьбами нам не снятся,
Разве за наш балаган большой,
За нас, как отцы, боятся.

2008

* * *

Пока у мальчиков наших под языком
        спит лермонтовское «Бородино»,
И девочки про себя
        «Письмо Татьяны» читают,
Россию легко не свалить!

Но бойтесь воплей
        поэзии сладкоплакучей!
Не просто же так Платон
        требовал ей изгнания
        из государства вождей.

Способно ленивое сердце
        верить ее причитаньям,
        вторить, и множить,
        и кровь отравлять,
        и ум поворачивать долу...

Откажется воля тогда стоять,
        как подпиленная опора,
        в правой жертве и чести.

Все будет плакать душа о себе,
        все умереть бояться,
Забудет совсем,
        и не напомнит никто,
        что жизнь эта –
        это ведь смерть!
И в новую нас родиться
        никак не пускает!

3 сентября 2008

* * *

Как чудо-занавес, серебряный тот век
Закрыв собою золотую ниву
Руси могутной.

Кто в зале был, тот бросился на сцену,
Кто в гардеробной – вышел с фонарем,
Гриммеры стали в круг, ища премьершу
Средь полчищ новых. В костюмерной
Затеялся пожар... Оркестр взвыл,
В приятных думах проводивший жизнь
страстей бесстрастных.

И замер обесславленный театр
Покойной музыки. Завтра уж ему
Не спать, не спрятаться,
Да и не отмолчаться
От этой вот примчавшейся любви,
Ворвавшейся в дорожном из прихожей,
Где свет задули раньше и в потемках
Неловкою рукой, или в насмешку,
Не ту толкнули дверь...
И вот она на сцене,
В бездне света,
И в царской ложе, и опять на сцене...
Не видит ничего,
Ее же видят все!

3 сентября 2008

* * *

Поэту мама – Бог
И папа – Бог.

Родства земного
Крест разочарований, и обид,
И жалоб, счетов, и несоответствий!..
...Неуважительна, дерзка и своевольна...

Все так, все так,
Но из словесной пряжи
Нет-нет да свяжется венок воспоминаний,

Где все сберемся
Краешком любви,
Как крошки с диска родного,
С круга жизни.

16 июня 2008

* * *

Зимой в землянке-блиндаже,
А летом в солнечной мансарде
на уровне сорочьего гнезда –
Все спрятано от ветра слово,

От артобстрела времени,
от лестных его посулов и погудок,
Манков, зевков
и равнодушных спин.

Здесь просто все, вода в колодце,
куда еще при барыне ходили,
Речушка под бугром,
и небо, небо!
Сквозит из века в век...

Что помнит из протекшей под ним жизни?
Что сберегло для нас? Что смыли ливни,
Дабы не мучились затеями пустыми?..

А мы все ищем этой скрытой правды,
Как склянки с чудодейственным раствором,
Лишь бы не жить тяжелое сегодня.

Лето 2008

* * *

Господь говорит всегда,
Но слышишь Его по утрам,
Когда не задернут полог,
Не сомкнуты своды твоих
Ответных на жизнь чувств.
Он ловит мгновенья короткой моей свободы
И слов посылает стайки. Они ручные,
Рядком усядутся иль угнездятся кругом,
Наскакивают, галдят – и вот уж узор нежданный
В стекляшках калейдоскопа
Явился, дрожит в руке.

* * *

Сколько раз
Сезанн писал свою Викторию!
На закате, в полдень,
на рассвете,
После ливня, ночью,
в лунном свете...

Розовая, золотая...
съела та гора его святая.
Привязала сердце мужика.
Жизнь прошла, писал пока.

Вот и оказалось, что победа
Полюбила недреманного соседа.

5 октября 2008

* * *

«Ищите Бога!» – говорил Левитан своим ученикам
на этюдах.

Не учитеcь складно рифмовать,
Резать речь колбасками на блюде!
Слово – и отец тебе, и мать:
Всюду видят, любят отовсюду.

Зарядили сердце светом дня,
Слух же спрятал Бог – ищи Меня!

2009

* * *

Еще гроза не улетела:
И дождь, и молнии, и гром...
Вдруг солнце как-то сбоку село –
И полыхнуло под шатром!

Теперь стоит покров свинцовый
Как бы на сваях золотых.
Просеян светом, ливень новый
Не льет, а светит за двоих.

В мой дом земной, где ссора злая
Все не исходит, все бубнит,
Не птица ль это ворвалась живая?!
И радость тянет как магнит.

Чтоб яд пространства обесточить,
Покрыть свою белизной –
Кружит, кружит!.. и уж не гром грохочет,
То с радугой в дверях топчет Ной.

11 августа 2008

* * *

В музейном монастыре св. Беда,
первого христианского историка Англии,
есть полуразрушенные ниши,
куда неудержимо влечет встать.

...Мчатся бесы рой за роем...

А.С.Пушкин

Не становись на месте святе,
А если стал, то не стони,
Когда на шелковом закате
Тебя в кольцо возьмут они.

Невидимо, неотвратимо
Твоим же словом свяжут речь,
И все полезут в побратимы,
У ног твоих присесть, прилечь...

Забиться под шатер кровати,
Укрыться на твоей груди...
Как сей мелкопосыльной рати,
Сказать святое – уходи!

Как вспомнить Имя золотое,
Вознесшееся к небесам?..
Когда б сквозь чащу сухостоя,
Он не спешил на помощь Сам!

11 сентября 2008

Виттон Гилберт. Дарем

* * *

В Эфесе вас ведут сначала по мраморной улице вниз
к руинам храма Артемиды,
а затем вверх на холм к дому Пресвятой Богородицы.

Ужель свободна Ты от плоти,
от жал ее стальных, сухих?!
Храм Артемиды на болоте
Твой ли разрушил голос тих?

И оргии служений брачных
теперь в музейный стали ряд,
И от дворцов ведут к невзрачной
клетушке Девы всех подряд.

6 октября 2008

* * *

Дождь холодней и холодней день ото дня...
А на Покров, глядишь, и вовсе снегом станет.
И встанет жизнь, и новая настанет,
И перейдем в ее окоп, как в ров.

Укрытие для нас и снегопад!
Да застит око Вышнего на наши
Судов по всей земле колеблемые чаши
И мумии сердец закрытых на засов.

12 октября 2008

* * *

Заблудилась в соборе
                                среди наших святынь.
Каждая сердце жжет,
                                его оживляя.
Где у вас выход,
                                спросила.
А у нас только вход.
Вход на Голгофу,
                                в правду,
В лютое отчужденье
                                толпы, нянчащей ложь,
Царство Небесное –
                                Вечную жизнь! –
                                «вечным покоем» зовущей.

5 декабря 2008

* * *

На рисовальной бумаге сына
Его серебряным карандашом
Пишу, как горит на бугре осина,
Как калина легла шалашом.

Как ольха за речкой, голым-гола,
Черные веточки подняла,
Как синица в луче искрится
И в окно со сливы стучится.

Этой Русью утешится сердце, поди,
Только вбок не гляди и вперед не гляди,
А по лесу, по кругу ходи.

Попадутся, поищешь, опята,
Понаедут на праздник ребята...

Жизнь да жизнь, всюду только она!
И война, что идет, не видна.

5 октября 2008

НОВОГОДНЕЕ

Своей стране я пожелаю в Новый год
Остановиться на путях разврата,
Чтоб брат, а не браток искал объятий брата,
Чтоб поворот произошел, не «наоборот».

Чтоб отвернуться нам достало сил,
Чтоб слух не угасать в речах лукавых,
Чтоб очи – внутрь! За сердцем правых
Чтобы Господь нас правдой воскресил!

Отцам, из пустыни текущим до Москвы,
Желаю полюбить келейные пещеры,
Где Солнцем Правды озарялись вы,
И стоики из вас, и маловеры!

Не связывайте рук елейной бечевой
Мужам, какую? где? не сдавшим
баррикаду?!
Торгует мужество собой и пьет в награду,
Да видит ли «священную армаду»,
Что топит мир в пучине заревой?!

Плачь, книжник, над сокровищем веков,
В базарну ночь затопленным водою;
Кострами книжными, как новою звездой,
Эпоху возвестим штурмовиков,

Стирающих лицо с лица земли,
Готовых ко всему, за что заплатят!
Да хватит ли нам слез? – увы, не хватит! –
Оплакать свой позор в родной пыли.

Родной, гой, Вавилон да будет нам бичом!
Рабов дворовых учат батогами.
«Но прах святых!.. Он ни при чем!
Он нас спасет!..» Да он поруган нами...

Далёко отстоят теперь сердца...
Все высмеял «начальник» сей темницы.
Уста глаголют, нет речам конца.
Но от речей-то нам не возродиться!

Отечество небесное – в земном!
Предав одно, не верен и второму.
Рим сдан, что говорить! Но жив подкидыш Ромул,
Лишь сном объят, великим русским сном.

2008–2009

* * *

Наши мертвые нас не оставят,
И защитники нас не сдадут,
И того, кто так ловко правит,
Приведут на суд, приведут.

А пока на столы парастаса
Мы печенья и свечи кладем,
И глаза поднимаем на Спаса,
И блаженные песни поем.

Страшно, страшно лишиться отваги!
А лишились и продали честь.
И куда уж бессильной бумаге...
Но жив Гермоген! Есть!

1 ноября 2008

* * *

Одна Клеопатра царила собою в Египте,
Растворяла жемчужины в уксусе, Цезаря (!) не любила.
Другая – в спальне своей схоронила растерзанного святого,
Ужасалась ночами, ночами силе его и славе.

Одна целовала Антония, победителя молодого,
Вожделела к римлянину, царица – к воинской стати!
Другая роптала на Бога: сына взял дорогого:
Что ж ты, Святой Отче, иль забыл мои почитанья!

Одна со змейкой играя, умереть решилась без боли,
Чтоб царскую плоть не мучить, когда жить некуда стало.
Другая, выплакав очи, узрела дитя свое в свете
И отпустила от сердца, не звала уже жить к людям.

Нищих кормить стала, лечить, как могла, бедных,
О себе и вовсе забыла, что женщина и красива,
Что в славной живет Палестине
И песни петь может сладко.

1 ноября 2008

* * *

Во сне люди выплевывали
змей и драконов.

Трусоват был Уар,
Бога любил тайно.
Но однажды у смертников
Попросил себе мужества он.

В миг этот спали с него
Оковы страха,
Сроднился с Крестом,
Для жизни и славы созрел.

Выводи же и ты, душа,
Нечисть из тела и сердца.
Дудочкой крысолова,

А далее – словом, словом
Освобождай сады
От услужливых ласк рептилий.

1 ноября 2008

* * *

Все говорят, нет правды на земле,
Но выше правда – правит!
И чует дух ее, и Бога славит,
Сидящего по-женски на осле,

Грядущего вручить себя лжецам!
...И даст терзать скучающим
гвардейцам...

Твой образ ныне страшен и отцам!
Кто за Тобой, безумным Галилейцем?

11 февраля 2009

* * *

Прости меня! Когда придешь ты в память!

Л.А. Мей. «Царская невеста».

Бродяжка с телефоном на груди –

Эмблема жизни нашей,

времени и места.

В беспамятстве Москва,

как царская невеста,

Все лики путает,

бросается к чужим – не уходи!

13 апреля 2009

* * *

Красавица моя! Как за угол зайдешь
Да как откроются по Яузе мосты –
Заходится душа, неужто ты уйдешь,
С лица земли неужто сгинешь ты?!

Твои холмы торопятся срastись,
Ходами до Кремля изрезано преданье,
И Пушкина, и Лермонтова зданья
Воздвиглись здесь.

В тебя, как птицы, ворвались!

Хоромы площадей с незавершенным сводом
И улиц, улиц перелесок, перебой.
И барский дом всем «греческим народом»
Готовый выступить, как только грянет бой.

О, пылкий дух Отечества святого!
Не в блеске куполов его душа,
А в милости сердец: не наказует строго
И тех, к кому судьба не хороша.

И думать не велит о чужаке худого,
Засмотрится на даль в березовой тоске
И будто спит иль повторяет слово,
Потерянное в новом языке.

10–17 декабря 2008

* * *

...О поле, поле, кто тебя усеял...

А.С. Пушкин

Рвы, рвы роют на Хованском,
На Переделкинском,
Пенягинском, Рогожском...

О поле, поле, мы тебя засеем
Своею плотью и своею костью.
Мы срастворимся глине, чернозему,
Траве, деревьям, первоцвету жизни...

Народ уходит, унося с собою
Эпоху оклеветанных дерзаний.
И скоро тайной станет наше время.

Ключ от ларца – под фартуком с Адамом,
Другой – во чреве каменного грифа,
В одном из четырех, главы свернувших,

Что скорби ложно место указуют
Пришедшим честь отдать машу́кскому поэту,
За всю Россию певшему о чести.

28 марта 2009

ТОТ РУССКИЙ

1

Тот русский, кто Россию любит,
Кому земля ее мила,
Кто душу ежечасно губит,
Лишь бы черемуха мела.

Лишь бы туман стоял в апреле
Над топким выводком осин,
И соловьи за речкой пели,
И люди вторили бы им!

* * *

Да не будет бегство ваше зимой
Еванг. Матф. 24. 20.

Надо, надо шевелиться,
Вещая душа!
Кормится словами птица,
Крошек не кроша.

Кормится поступком чести,
Где его сыскать?
Просевает наши вести –
Что ребенку дать?

Голодно ему зимою,
Бегство на дворе.
«Может, вешнюю порою
Легче будет мне?»

1 мая 2009

* * *

...Медь звенящая или кимвал звучащий...
1 Посл. Коринф. 13. 1.

Крик мальчиков,
играющих в войну,
тебя разбудит,

И вдруг поймешь:
нет, не убита –
А ночью все казалось –
убита жизнью.

И пойдет вспоминать голова
время и место,
что изменить нельзя.

И вчерашние взгляды
опять защиплют глаза
льдом ядовитым.

И слова,
нет, не сами слова,
они невинны,

Но та подушечка для медалей,
на которой несут их за гробом,
вдруг ударяет медью звенящей,

И не подушечка вовсе,
а блюдо – сервировать застолье
головой пророка.

1 мая 2009

* * *

«Что значит имя?»

Во сне иногда случаются диалоги с Ангелами.

– Не значится в списках живых!
Разучилась душа молиться,
Забыла к Богу дорогу,
Сыта одурью мира.

– А я говорю – жив!
Плутает в глухих перелесках,
В бессветных подвалах бродит,
Бессловесные песни учит!

– Его мы искали всюду,
Нигде он не найден нами!
– А имя! Сверили ль имя?
– Имени слепок тот же.
Та же печать из литер,
Что сердце с волей скрепляет.

В одном отворила бездну:
Змейкою преисподней
Юркнула по указу
О Варфоломеевой ночи.

А первого камнем ласкала,
Муки принять дарила –
Да Иераполь вечный
Восстанет над белой горюю!

Русского ж – правде учила,
Соловецкой молчальной песне,
Зорями слова всходила,
Митрополичьего дела,
Крестом всходила удушья...

Вот оно, имя твое.

Февраль 2009

* * *

Всел еси на Ангелы, якоже на кóни...
И спасение бысть еждéние Твоé...
Канон Бесплотным. Песнь 4.

Посещает Господь чувством смерти,
Зазевалась – торопит, корит.
Припасенные деньги в конверте
Тратить попусту не велит.

Разве попусту наши нужды?!
И дома, и сердца, и труды?!
Все позволено коемуждо
До призыва его, до узды...

Да еждéние это – благо!
Страхом – а веселит.
Вот прострется неба бумага,
И взыщет Архангел-пиит.

13 апреля 2009

* * *

...И смоковница тотчас засохла.

Еванг. Матф. 21. 19.

Пусть все засохнет,
    что доброго плода не может принести!
Ни вовремя рождать,
                                ни вовремя цвести...
Не в этом ли секрет благого лета?!
Приятным не для глаза быть –
  для света
Сердечного, которым и стоим!
И душу пестуем...
                                А торг вокруг – неукротим!

14 апреля 2009

* * *

– Чем занимаетесь?

– Землей.

Из разговора встречных.

Землей занимаетесь? Пашете, парки разводите
или продаете?

Кладбища, улицы, цепи озер,
леса и луга?

Жизнью едины, взглядом связуемы,
любвы они на взлете,

А двинуться – некуда!

Разрублены швами заборов!

О вражий слуга!

Бетонных, из прутьев стальных,
чешуйчатых, сетчатых, гладких...

Знаки эпохи глухой – межей и оград!

Но стену и эту, времени стену,
проникнет последняя Слава –

прейдете!

В пропасть,

в кормилицы чрево родное

горящею пылью войдете,

И новыми родами

вó поле жизни поднимется Радонец-сад.

21 апреля 2009

* * *

Когда в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца
проходит инаугурация президента, стена с десятиметровым
Всевидающим оком занавешивается тканью.

Восстановлены залы дворца для новых хозяев,
Новодел алебастровый вьется, горит по столпам.
Здесь судьбы народа решались, науки и школы,
Страны трудовой и ревнивой власти несли бремена...

Барство прокралось в болтливой овечьей шкуре,
Леность и ложь взошли в умах и сердцах.
И теперь всевидающим оком
настенным надзор надо всем установлен.
Андреевский крест и гербы золотые земель –
подбрюшьем ему.

Робость ли очи застит мужам? девичья ль сладость?
Время ли русское вышло на русской земле?

21 апреля 2009

ПРИЗНАНИЕ

В.С.

Наши пути разошлись, но я его не убивал.

Из разговора.

Шли мы вдвоем

болотами, зонами, лагерями,
Пустынями, пастбищами людскими,
жилами да зубами.

Пайку делили,

супинатором резали брюхо,
Чтобы конвой не забил по дороге –
выжить и выждать!

Связаны спинами были мы

в вечной той обороне,
И наконец-то в свободе
встали лицом к лицу.

Кто ты? Куда? За кого?

Заплутаем ли в сердца дорогах?
Вера ли разведет
в «Истину, Путь и Жизнь»?

Не спит пересмешник,

Во вражьем овраге с утра
Залег с огнестрелом.

Занавесил, как сетью, солнце,

Солнце кровавой правды,
Братьев-разбойников совесть.

12 мая 2009

* * *

Симон Ионин! любишь ли ты Меня?

Еванг. Иоанн. 21. 15.

За каждый грех
попробуй положить поклон.

Им нет числа –
увидишь!

И вереница преданных,
и попранный закон...

Как от земли поруганной отыдешь?!

Неужто не сдержать было огня?

Понадобились жертвы,
муки, годы...

Так Петр рыдал.

«Ты любишь ли Меня?»

Предал – вставай!

Кому пасти народы?..

11 июля 2008

* * *

Не уходи с земли своей
Ни хлебопашец, ни учитель!
Моряк, не оставляй морей!
Монах, не покидай обитель!

Раскинет Древо жизни в нас
Широколиственные сени,
И в благодатный жизни час
Труды, надрывные подчас,
Осветит Вознесенье.

Март 2009

* * *

Всем должна и кругом виновата!
И под этой крупой снеговой
Ощущаешь себя солдатом
На невидимой передовой.

И что плохо – стрелять не учили,
Только слышишь «беги!» да «ложись!»
Вот нагрянувшей вражьей силе
И подставили грудь и высь.

Не одной ведь землю любимы –
Небом пестованы в раю.
Хлеб насущный, вовек Неделимый,
Преломи за Отчизну мою!

Май 2009

* * *

Так никуда и не ходила,
Стою в своей судьбе,
В саду, который насадила
Иль насадили мне.

Гляжу вокруг и слышу звуки,
Идущие на нас,
Но связаны войною руки,
Войной души и глаз.

11 июля 2009

* * *

За письменным столом
Одно ведь время года.
И ночь стоит столбом,
И счастье – как невзгода.

И мерятся года
Не вехами судьбы,
А тем, что слов стада –
Смотри! – ушли в сады...

11 июля 2009

* * *

Куда же старика девать?!

Он поперек всей вашей жизни:

Скрипучая, как речь, кровать...

Не надобен ни дочке, ни отчизне.

Широка была страна родная,

Думали – кому ее свалить!

А слегли Петры и Николаи,

Некому и поле накормить...

Он теперь в окошке сериалы,

Позабыв себя, глядит, глядит...

И звезда его светить устала,

И лампадка дочкина чадит.

11 июля 2009

* * *

Мать фоном для дитяти,
                                оно ее не видит,
Вперив глаза и руки в жизнь,
                                что впереди.

Ну разве что, когда обидят,
Прильнет в слезах к родной груди.

А сердца – как и нет, не слышит!
  Свои удары

Все заглушают, как набат.
И сколько надо лет нам Божьей кары
Чтоб сын отца узрел, взял руку –
                                здравствуй, брат!

11 июля 2009

* * *

Не привязывай сердца к детям!
Вырвут – и жить будет нечем.

И Бога будешь гневить
ропотом и обидой.

А Он возьмется шутить:

А ты совсем не обедай,
Чтобы одной не сидеть,
не ронять слезы в тарелку.

Или возьми Псалтирь,
вечную нашу «грелку»!..

А она все – «нет» да «нет»...

Ну как отойдешь от бед?!

11 июля 2009

* * *

...Дабы они не без нас достигли совершенства.

Посл. Евр. 11. 40.

...Крепкий орешек...

Если б не в грех,
а в молитву гнев
нам удалось перевесть,

Может, и треснул бы этот «орех»,
и стену смогли б перелезть.

И побег совершился б
из плена сего,
Царили бы в небесах.
Да мать как бросить?
сынка своего?
Землю, стертую в прах?..

11 июля 2009

* * *

Добрый вечер, мой телефонный сын!
Здравствуй, моя телефонная дочь!
Не затопило дождем косым
Блиндажик мой в эту ночь.

Хотя и гремело со всех сторон,
Сверкало в четыре окна,
Да с папиных мартовских похорон
Осталась свеча одна.

С ней и стояли мы этот бой
Жизни против души.
Завтра Петров, значит, отбой,
Точим карандаши.

11 июля 2009

* * *

Слова живут во мне, как птицы в поле.
С опушки леса принеслись,
галдят, кружат...
Нашли, что поклевать,
в траву нырнули.
Вдруг снялись разом –
ни одной не слышу.

20 июля 2009

ДЕСЯТЬ СТРОК

Москва Россию предала!
Желает быть столицей мира.
И вызолотить купола
Зовет пришельцев аж с Памира...

Малину собирать,
Крапиву бить ногой,
Шмелей летающие ядра примечать...
Во что еще нам ширь Руси вмещать!
Неупиваемой,
Опять ногой.

Июль 2009

* * *

Макбет непобедим, пока к нему
Не выйдет к Дунсинанскому холму
Бирнамский лес...

*В. Шекспир. «Макбет»
(пер. С.М. Соловьева).*

Вот и на нашем веку
Случилось времен окончанье.
Мы все думали:
    как они умирали?
Почему того не сделали
                                и того?
А эти совсем почему потерялись
                                в общей шумихе?
Теперь вот и нам дали послушать
                                небесных звуков.
Не ангельских,
    которых мы дружно ждали, –
А грозные сдвиги пространств,
    вламывающихся друг в друга,
Плавающих силовые решетки
                                полей гравитационных,
Выбрасывающих в безвоздушные
                                дантовы реки
Тысячи душ, чающих новой жизни,

* * *

Когда отыдут от груди
Великовозрастные дети,
Иди на площадь и труби,
Что нету никого на свете!

Услышит ветер, понесет...
Рванешься вслед – не множь худого!
Что ж, что ладья ко дну идет,
Вон флот на горизонте новый!

2009

* * *

Дóбре, Бог!
Еще один день,
как холстик,
натянул на подрамник судьбы.

Что напишешь? Напишется что
в этой разовой книге жизни?

Не бухгалтерской,
не домовой,
не записной-телефонной...

Что отразится на диске
ангельского зеркала
ввечеру?

25 июля 2009

* * *

...очень страшно жить,
когда нет ничего дороже жизни.

Вадим Жуков

**Жизнь любить – не жить любить!
И умереть прикажет,
А все будет радовать, солнцем слепить –
Бога во всём покажет.**

1 августа 2009

И
З

Д
Н
Е
В
Н
И
К
О
В
Ы
Х

З
А
П
И
С
Е
Й

ДАРЕМ

Англия. Сент. 08. Дарем холмист и чист. Дома в основном двухэтажные, но какие! Они все как-то очень договорились с ландшафтом. И не стоят, а растут на земле, взбираются в гору, висят над обрывом, прижимаются к спине холма. И этим холмистость, волнистость города сохранена и даже увеличена, но никак не сглажена... И еще — он весь состоит из перекрестков, и вовсе, кажется, нет длинных прямых улиц. В общем, это застывшее море, море земли, волны, скрепленные дорогой, домами. И новые дома, а точнее, здания, так как домами нельзя назвать стены без окон и дверей, так вот, эти новые строения подчиняются закону всеобщего волнения. Стена-то она — стена, и глухая, и красная, но когда идет волной, как-то уже не пугает. Еще новая архитектура любит приподнять подол, как новая европейская женщина, поставить себя на котурны, колонны, взлететь, вспрыгнуть на стеклянный прозрачный какой-нибудь куб — вот, смотрите, подо мной ничего нет, вишу в воздухе! Но, в общем, новое здесь сковано старым, и это, оказывается, замечательно!

Улицы заданы самой землей и, как начали расти веков 10 назад, так и движутся, камня. Перекрестки — через каждые 20 метров, но на разном уровне, больше 50 шагов не идешь прямо. И над всем этим волнующимся морем, разбегающимся по земляным валам, волнам домиков — божественная резная скала Собора. Видна она отовсюду. Река огибает его подковой, как будто он всегда здесь был,

и когда она прибежала, пришлось ей выбирать обходной путь. Бежит река, бегут улицы — Собор же стоит, не видя этого всеобщего движения земли и неба; облака пролетают над ним, солнце ходит, луна; он же — другой крови, другого рода. Может быть, он и есть город как место обитания души человека. В нем много прямизны, дали, выси — и все так разнообразно и сильно — все не отсюда. И с каждой стороны он — другой. С излуины реки, где она вбегает в круг, он то двух-, то трехстолпный, и имеет, кажется, только фасад, приклеенный к небу. С другой излуины — это просто другое строение; башня одна, и она как-то так дала развернуть плечи всему зданию, что идешь к нему и уже ожидаешь — вот тут будут опоры, рукава... чувствуешь все каменное тело.

А с площади, с севера, когдаходишь к Собору сбоку, вот тут-то и ощущаешь по-настоящему его длину, которая одновременно и ширина, но еще невозможно представить, что есть и глубина. Длина его такова, что Собор — это единственная прямая улица в Дарэме, улица, крытая новым небом и предлагающая новый путь. Входя под его своды, ты и начинаешь этот путь...

Если с площади, то сразу влево уходит высоченная сталактитовая вырубка священной пещеры. Двинуться по ней страшно, а не двигаться невозможно. Она просто вытягивает в себя своей длиной, это настоящая священная улица. По мере того как приближаешься к первому арочному водопаду, пространство чудесным образом раздвигается перед тобой, расступается, хотя оно уже наполнено справа и слева горками ступеней, сидений для хоров и почетных прихожан. Спинки их переходят в стрельчатый дождь органных труб, как веселят его золоченые веера

на стенах!.. Но взгляд уже бежит дальше и вдруг... как-то теряется перед главным алтарем... его преградой.

Многие, наверно, не раз протирали глаза, есть она все-таки или нет? Камень здесь вовсе исчез, какие-то серо-жемчужные нити висят в воздухе, свиваются, соединяются, а тут вдруг собрались в пучок, а тут — совсем исчезли. Может быть, это просто лучи? Алтарь здесь ничего не скрывает, он как-то так организывает наше зрение, что светящиеся витражи за ним начинают вас звать к себе и как-то тревожить. Что тревожит? А вот этот висящий в воздухе и тающий, текущий камень, застывший каплями и как бы вынужденно открывший нашему взору страшную тайну. Какая-то особая священная рама... прозрачная или призрачная?

Видимо, эта-то вдруг исчезнувшая материя камня и беспокоит нашу любящую все материальное душу. Она, материя, конечно, Божия... Но все-таки... Все должно быть по правилам: вода — бежать или лежать, земля — давать и брать, камень — давить. А здесь он как бы отказался от самого себя.

Действительно, Собор вел вас по ясному, казалось, пути, и вдруг впереди — какая-то зыбкость, неопределенность... Мы-то ждали новой власти, а тут полное ее исчезновение! Вот сердцу это трудно. Переживание пространства доступно ему как первый язык, как предощущение звука, формы: ритм уже задан, вот сейчас влетит время цветом, музыкой, жизнью с ее сладкой хваткой!.. И вдруг — все исчезло, перестало править вашим зрением, отступило... но перед чем? кто сделал камень светом? и кто вообще на это способен?..

СТАРЫЙ ГОРОД

Греция, Родос. Сент. 2007. Old Town (старый город) одновременно и гора, и музей, и рынок, и жилье. Часть улиц как бы вывернута наружу: интерьер и содержимое комнат — не за стеной дома, а перед ней. Улицы как таковой и нет, идешь, вернее, переходишь из одного пространства в другое и каждое ощущаешь как превращенное. Выбежавшие на дорогу вещи, высыпанные игрушки, обувь, одежда под ногами, а вот синие столики, кабачок, таверна, открытые галереи, только сверни посмотреть, заведут в свои лабиринты, которые как-то уж очень просто переходят в жилые комнаты и за занавесочкой тут же — в рабочие спальни. Наверное, есть и другие, настоящие с широкими кроватями, где-то в глубине, в недрах этой каменной горы, но взору открываются именно эти, невыносимые в своей доступности и публичности жилища.

Идешь уже не по улице, а гостем по анфиладе комнат: сначала парадных — из золотого, сверкающего поддельным блеском белого ювелирного зала — в гардеробную или актерскую уборную, или в столовую, или в кожаную с резким запахом мастерскую. Тут же на тебя надевают куртки, жилеты, дают в руки сумки. Шаг к освобождению — и ты уже в пряностях, мешки специй одуряют смешанным, спутанным каким-то ароматом. Оказывается, запах — это путь, движение: куда-то тянется душа, от чего-то отвращается, а тут она растерялась на перекрестке веяний, опоена, угнетена. А вот и кальяны с диванами, беленькие бюстики

и зеленые всаднички, чтобы и глазу было по чему скользнуть с приятностью, и ковры, конечно, турецкие, подушечки, платки для дев...

Гора, ведь подходили-то к горе, неожиданно вся оказалась базаром. А может, это театр? Улица-театр! Пожалуй, что и так. Театр одной стены, а не трех, как мы привыкли, и потому действие не ограничивается подмостками, а плещется всюду, да и пьесы как таковой нет, есть заданная тема импровизации. Актеры? Вы! Мы! Продавцы лишь ловко направляют наши импровизационные па. Торговый театр поднял над всем миром свой занавес и скрыл в небесах венценосцев Олимпа, мучеников Креста, воинов полумесяца, каторжников всех трудов праведных.. Hello! Поворачиваете голову, и вас уже усаживают за столик, несут показывать искусственного шелка платки, один-два будут настоящие, для понимающих.

Plato мучеников, с фонтаном из трех морских коньков, распахнулось посреди этого текущего во все стороны торгового моря ареной. Подходишь к фонтану, не кровь ли будет из него сочиться? Нет, обычная вода, вот папа набирает бутылку для детей, девочки прыскают изо рта друг на друга. Арена с севера поднимается амфитеатром и втекает в улочку то ли Аристотеля, то ли Аристофана, ширина ее, вернее, ужина́ такова, что, раскинув руки, касаешься домов обеих сторон. Откуда-то сверху слышен запах не очень вкусного съестного, шелестят круглые китайские фонарики, попугай послушно сидит на кольцах, большой, горит, сверкает синим, желтым, красным, смотрит остро, глупо, серьезно: а вот как клюну!.. Don't mind it! – вас давно заметили и настойчиво приглашают к столику, а вы замечаете, что попугай привязан, и коротко. Вот он раскрывает свое расписное веерное крыло и начинает когтистой

лапкой его тянуть вбок, и своим военным клювом пытается очистить-таки его от невидимых врагов.

Нарядный или нарядившийся к гостям вечный, не имеющий возраста город. А свернуть в сторону, попадешь не за кулисы театра, как ожидаешь, а в ущелья бедной, замученной человеком жизни. Эти средневековые ущелья ему и тюрьма, и убежище, и родина — гора Old Town так живет. Кое-где эти «поддерживаемые в первозданном виде» ущелья... просвечивают на свет — это было совершенно неожиданно. Ну не везде же камень сохранился! И, чтобы не портить фактуру, вмонтировали в стену подкрашенную пластмассу. Но это так случайно обнаружилось, гора Old Town, конечно, каменная. Впрочем, камень здесь трех времен: античный, большие светло-серые блоки 80x40 см — вот они у Афродиты, настоящие. А вот камень рыцарских времен, орденский, он меньше в половину, а то и в треть. Его много: все дворцы, улица Рыцарей, все храмы — из него; распиливали, рубили старое, непонятное, точили, поднимали новое, глухое, крепкое. Еще и итальянских времен есть кладка, она уж вся напоказ, из чего придется — и скорей, скорей: смотрите все!

РУССКИЙ БУГОР

25 авг. 05. Каких только мошек нет на свете! Вот прилипли к стеклу прозрачные булабочные головки. Приглядишься, и эта звездочка начнет двигаться, шевелить усиками, которые намного длинней ее лап и крыльев. Что ищет? Куда стремится? А вот другой представитель летающих плюхнулся на освещенную солнцем, ослепительно белую рукопись. Строчек на ней не видно, они растворяются в свете бумаги, которая, кажется, сама его излучает, и гость утонул. Он сам вообще-то черный, но его как-то всего высветлило: вот он волочит свои прозрачные крылья, как чужую ношу, вот запаковался, неловко перевернулся на спину, сучит волосками ножек — справился, опять движется под своим лётным устройством... И вдруг весь раскрылился, снялся, взмыл с легким жужжаньем по касательной вверх.

Паучок добрался до скопища прозрачных двуусок, как их еще назвать! И незаметно для остальных утащил одну, «нашу муху в уголок поволок...», и как-то вжал в себя, замер весь, застыл, проглотил что ли? или придушил? Остальные пляшут на стекле по-прежнему, эй вы!.. Эх мы...

Отсюда, с террасы второго этажа, хорошо виден «шанхай», разместившийся за речкой. Он жил лет десять-двенадцать: в прямом смысле городили огороды, захватывали землю под картошку, огурцы, свеклу, спорили из-за дорожек, мостков на речке, сажали, окучивали, поливали... Нам с законного нашего бугра слышны были и их перекрикивания,

переругивания, а иногда песню затянут, не поймешь: сами запели или нашли волну такую в приемнике. В общем, жизнь за речкой на болотистом заливном лугу и на отлогом взгорье кипела, заборы росли, вернее, лепились вверх, вбирали в себя всё ржавое железо, колья, сушняк, кровати, шифер, стенки от холодильников, стиральных машин, большие эмалированные и алюминиевые крышки от каких-то промышленных баков и, конечно, пружинные сетки и спинки никелированных кроватей. Последние были особенно удобны, так как просто могли служить дверью.

Именно такая дверь и была у Игоря Николаевича, а может быть, его звали как-нибудь по-другому? Его участок был эдемским садом: цветы, грядки, кустарники, стол с навесом — все как-то организовалось в райскую жизнь. Камни прилепились друг к другу, чтобы держать склон к речке, облепила угнездилась у входа, сдерживая натиск прибрежной ольхи. Малина и ежевика несли сторожевую службу вдоль внешних границ участка. Несколько яблонь, две или три, подросли и явно были любимицами. У их стволов пестрым жабо сидела турецкая гвоздика. Все в этом саду радостно подчинялось загорелому хозяину, который в кепочке и шортах жил здесь, казалось, с апреля по октябрь. Можно было видеть его и когда мы шли за грибами, и за липовым цветом, за зверобоем, чередой на дальние прудки и просто побегать с собакой, уставшей от оград. Заглядывали через его невысокий и совсем не страшный забор, видели какой-то не наш, не деревенский порядок земли: все со всем там дружило, как это?

Единственной «чуднотой» был для нас полиэтиленовый домик, в одно особенно дождливое лето он возник в углу сада: прозрачный двухметровый кубик, собранный из реек и обтянутый пленкой. «Но сплю я в нем редко, —

говорил ли он эти слова? — когда уж совсем все вымокнет, а так больше под навесом». Столов у него было три, и все не шатались, вкопаны крепко, и возле каждого — лавочки...

Калитка-кровать висела по-прежнему ровно и открывалась легко. Ау?! Послушная земля не сразу дичает. Она еще живет дружеской волей человека, ее приручившего. Огромные ромашки полыхали бархатно-оранжево-охристыми перьями; а флоксы-то! белые, малиновые, морковные... живописной артелью они кустились вдоль главной дорожки, а лиловый вымахал в рост человека и на фоне песочного обрыва щемил, резал глаза ярым каким-то дымом. Ау?! Клубника кустистая, густая, вся была запорошена своими перезимовавшими красными жухлыми листьями. Черноглазая смородина додержала и уже завялила свои безупречные изюмные веточки, а рядом... что это?.. офицерская рубашка, набитая кольями... Они торчат из вóрота, застегнутого на все пуговицы. Так у нас носили хворост; бабушка снимет фартук, положит в него лапник, чтобы не кололся, — и на плечо, а корзинки с грибами в руках. Он не говорил, что был офицером, но порядок в саду выдавал, можно было догадаться...

Страшна деревянная кукла, притулившаяся к жердочке, ограждающей куст смородины. Не ходи дальше! Сколько лет надо, чтобы земля забыла хозяина? Сколько июней, апрелей, сентябрей? Сколько журавлей? Скворцов? Сколько дождей, вьюг? Сколько сапог должно пройти по тропинке, исчезающей год от года, чтобы крик ушел в землю и пророс ничего не ведающим, ой ли? дурнем-лопухом, или острым осотом, или жилистым конёвником, который, продырявив листья к августу, вдруг начнет с краев рдеть, превращая каждый свой лист в палитру, а сегодня, считай, в картину живописца, не жалеющего ни краплака, ни кадмия...

П
О
С
Л
Е
С
Л
О
В
И
Е

Ольга Сергеева

РАЗГОВОР О ЗВУКЕ

Записки благодарного читателя

Не каждый может услышать стихи. Это дано только человеку, обладающему острым поэтическим чувством. Книга, которая лежит перед нами, требует именно такого читателя. Более того, читатель должен чувствовать поэзию не только окружающего его мира (материального), но и мира духовного, поскольку в книге Людмилы Суровой «Радонец-сад» отразились оба эти мира, причем духовный мир является главным. Выражается это не в религиозных словах и модных сейчас библейских сюжетах и темах, а в вечном стремлении человека обнаружить духовную глубину всякого явления жизни, выявить его суть. Именно эта духовная жажда и движет автором в книге «Радонец-сад», и поэзия от этого приобретает подлинную направленность к вышнему.

Как же родилась такая книга?

Книга «Радонец-сад» появилась не сразу, она «взошла» на предыдущих девяти книгах поэта. И, чтобы лучше услышать ее, обратимся сначала к написанному ранее.

Первой, вышедшей к широкому читателю книгой Людмилы Суровой, была «**Поза бегуна**» (М.: Наука, 2000). Она вобрала в себя семь поэтических книг, или даже восемь, так как последняя книга может быть разделена на две. Все это писалось с 1968 по 2000 год и почти не печаталось,

(автор принадлежит к тому задержанному поколению 50-х, которое действительно писало 30 лет в стол). И потому каждый раздел здесь представляет собой избранное из написанного в определенный период.

При первом беглом знакомстве с книгой «Поза бегуна» возникает эффект калейдоскопа: прошлое, пережитое перекачивается звуками, ритмами, образами, складываясь у вас в руках в разные узоры чувств, событий, мыслей...

Если же углубиться в текст, слушать его, начинаешь слышать, что каждая книга имеет свою тональность, свой смысловой ключ, образный строй и, наверное, может быть представлена особой музыкальной композицией.

Если читать еще, замечаешь, что калейдоскоп этих ритмов, образов, чужих чувств, мыслей вдруг начинает складываться в живую мозаику. Движение слова и изменение звука в стихах открывают нам, как жила и развивалась поэтическая стихия в авторе. И, что особенно важно, они отражают историю нашего времени, ее внутреннюю, глубинную жизнь и, как возможно только в мозаике, высвечивают незримые силовые линии духовного пространства эпохи. Звучат разные времена, рождаются разные художественные формы.

«Берег» (1968–1974) – первая книга в «Позе бегуна», первая встреча с автором.

Был солнечный день,
Грачи ковырялись на пашне,
Белесая роща
Поодаль ждала соловья.

Седая кобыла
Смеялась на мчащийся поезд,
Сухой мужичонка
На пне бережливо курил.
И баба стояла
В косынке, повязанной туго.
И крепкое тело
Являло преграду ветрам...
Широкой ладонью
Отерла вспотевшую шею,
Воткнула лопату
В пахучую землю свою.
И, чуть повернувшись,
Завистливо поглядела,
Как я, проезжая,
Махнула кобыле рукой.

Это «Стихи, написанные в электричке».

Только прислушайтесь, как с вами говорит земля! Как все на ней весомо, как значительны те, кто работает на ней! И как точно увидел поэт и мужичонку, и бабу, и лошадь!

Кто же эта баба? Просто работница? А не прообраз ли нашей земли?..

На удивление зоркая юность. Вспоминается «Чернозем» Мандельштама.

За этот период автором написано явно больше, отобрано же для публикации всего несколько стихотворений. Они складываются в цельную картину, отражая реалистически ясное мировоззрение здоровой молодости.

В книге разные звуки. Ей присущи спокойная, повествовательная интонация, внутренняя душевная

уравновешенность и, как мы слышали, почти чувственное ощущение родной земли.

Темы же задаются, как и в нескольких последующих книгах, культурной жизнью Москвы. А она, как известно, вбирала в себя все, недаром Пушкин написал: «В Москве не царь, в Москве Россия!»

Вторая книга – «Странники» (1975–1977).

Почему «Странники»? Странничество – традиционный образ ищущего человечества. И лирический герой совершает свой судьбоносный путь – идти, идти, идти...

Уподобляясь Вечному жиду,
Мы, странники, не знающие крова:
Ни своего, ни брата, ни чужого –
Кружим, кружим... Отводим ли беду,
Иль призываем – не понять. Повсюду,
Где есть очаг, икона и дитя,
Я буду лишней... С праздничного блюда
Мне подадут, жалея и шутя.
Меня напоят и уложат в детской,
Не опасаясь сказок и стихов, –
И будет спать за красной занавеской
Младенец – дух, не знающий грехов.

Строчки втягивают в свое реактивное кружение.

А вот конец стихотворения:

Моим ногам все велено идти,
Глазам – терпеть,
А сердцу – все спалить!

«Странники» – антитеза «Берегу». Здесь совсем другой звук, другой ритм, другая – пронзительная – интонация. Лирическое сознание формируется здесь как бы под давлением, в горниле, в осмыслении роковых противостояний чувств.

Меняется форма стиха, возникают новые образы, новый строй предложения, способный отразить внутренний драматический монолог сердца.

В «Творческой автобиографии» автор говорит, что один из рабочих подзаголовков этой книги был – «Театральные монологи».

Многие стихотворения этого периода в «Позу бегуна» автором не были включены. Но у друзей того времени остались еще машинописные копии первоначального варианта книги «Странники», собранной в середине 70-х. Там много стихов открытой эмоциональности, напряженного слова, активной интонации:

«Умирать приползу
В Александровский сад...»

«Мы позабыли бабье ремесло,
вершим сто раз обряды расставанья...»

«Я шлю запястью твоему
бумажное благословенье...»

И другие... В этот период идет стремительный рост поэтических средств, осваиваются методы русских символистов и ранних акмеистов.

Третья книга – «Полнолуние» (1977–1979)

Эта поистине школа чувств. Их воспитание, огранка. Автор уходит с «театральных подмостков»

и вновь «приникает к земле». Народное языковое сознание втягивает поэта в свое поле, пробуждает к новой жизни авторскую речь. Стих начинается здесь жить по законам многоликой русской словесности: песенной, плачевой, сказовой.

Самое замечательное произведение в этом разделе, а может быть, и во всей книге «Поэза бегуна», – это лирическая поэма «Заговор над спящим»:

Лютой песенкой не трону, баю-бай,
Ты корону, птица ворон, подавай,
Сотворю я ныне тайный заговор,
Спи, царевич-королевич-воин-вор...

Каждый раз при прочтении ее испытываешь чувство восхищения и неожиданности.

Восхищения – потому что поэма воспринимается как нечто совершенное (ощущается полная гармония слова и звука). Неожиданности – потому что не понятно, как это могло получиться!

Вещь крупная, написанная на одном дыхании с какой-то поистине ликующей свободой.

На протяжении поэмы не один раз меняются ритм, длина строк и строф – это симфония! Наверное, ее можно назвать фольклорной, но это ничего не объясняет. Откуда сила?

Вот ее конец:

Птицы, твари, ведуны – мой люд,
Собрались: твоей вины – ой, ждут!

С этой кручи –
Неминучий
Срыв – рок,

Невиновен этот лучший
Отрок.
Не его зовут –
Меня стерегут.
Что ж так змейкины укусы жгут?

Ну прощай. Вон за окном уж свет...
Спи, любимый, мы пойдем.
Нас нет...

Какая скорбь, какое самоотречение, и какое чувство собственного достоинства! Как автору удастся несколькими скупыми словами или строчками выразить крайние состояния души!

Четвертая книга – «**Мастерская**» (1979–1983).

Она очень важна для понимания поэтики автора. В ней – духовные и художественные ориентиры поэта.

Зима. А комнатный цветок,
Забытый всеми, зеленеет.
Стучится в жилках слабый ток,
И тень на скатерти бледнеет.

Зажатый смертной белизной
Сугробов и льняных полотен,
Один, как полоумный Ной,
Он празднует спасенье плоти.

Над ним не властвует закон
Причинно-следственных движений –
И зреет маленький бутон,
Легчайшее из украшений.

Смельчак! Хитрец! Постой, зачем
Ты собираешь кровь в соцветья?
Зиме лежать еще столетье,
Твой подвиг немощен и нем.

Не лучше ль подождать тепла!
Детей закружат хороводы,
И мертвые воспрянут воды,
И зелень будет так светла.

Но глух к соблазнам часовой,
В себе взрастивший долг и веру,
Как будто разум мировой
Его последует примеру.

Мастерская – это и методы делания, и возможности что-то сделать, и смысл, и цель делания, и красота того, что сделано, и порыв, и вдохновение, и страх, что не удастся сделать задуманное, и много, и много еще чего... все это – мастерская поэта.

В «Творческой автобиографии» читаем об этом периоде: «Личное живет только на фоне вселенского. Надо докопаться до духовных основ жизни. Стихотворение возникает как задача – ищи духовное решение как разрешение интервала.

Если не отступать, поэзия проявляет возможность правды. Духовной правды во всем – в чувстве, в природе, в истории. Даже вещь имеет свою правду. Задача – добывание этой небесной руды».

«Мастерская» богата темами, много здесь посвящено и самому процессу творчества, писания:

Иду в редакцию, скажу, что я поэт,
Пусть странно это, даже некрасиво...

И далее:

Домой, где стол, где изо всех бумаг –
Прекрасней – лист, не тронутый рукою.
Мне поздно, поздно делаться другою,
Ты понимаешь ли, редактор – маг!
Я не хотела б вас обременять,
Но что мне делать, как мне их унять?
Звенят, звенят... Одна теснит другую,
Которая родится – не поймешь.
И будто оборону круговую
Держу. Да разве их уймешь?
Гляди, уже одна, пробивши брешь,
Кругами ходит, как летучий бес,
Летит и множится, играет перевертень,
А я – лишь поле битвы...

(«Иду в редакцию»)

Или контрапунктом:

Пиши, не приноравливаясь к дате.
Все ж Божий суд – не критик и издатель.
На маленькой террасе флоксов дух,
Еще чуть-чуть – и закричит петух,
Но вовремя строка разрешена,
И восстановлен дождь и тишина.

«Мастерская» – это и место встречи мастеров.
Мы оказываемся в «мастерской» Пушкина, когда
он пишет свою «Капитанскую дочку».

Он рылся сумрачно в архивах.
Сверял казненных имена.
От рифм голодных и болтливых
Скрывал чужие письма.

Он ел и пил, лукавил дамам
И был особенно учтив.
Его уж не считали «самым»,
Его тем самым не смутив.

(«Пушкин и Пугачев»)

И почти заглядываем в жизнь гения, слышим его чувства, слова, видим рисунок, сделанный поэтом (ведь он действительно нарисовал Пугачева!)

«...Вдруг борода и черный глаз!»

И, наконец, становимся почти соучастниками творческого акта:

И так, пера не отрывая,
Не думая, почти зевая,
Сидел. Сочился сок чернильный,
Да длинною строкой, обильной...

Потом заметил – не стихи!
И, отпустив себе грехи,
Забыв подробности и лица,
Писал, как на душу ложится.

В окно лилась лазурь на стены,
И занавес тончайшей пены
Скрывал сомнительную даль...
«А жаль цыгана...Право, жаль!»

...Тулупчик заячий потелый
Накинул гвардии юнец...
«Так вот как было это дело!
А я-то маялся, глупец!»

В «Мастерской» видно уже и мастерство автора: легкая строка, возможность живого диалога в стихе и пр. Но все поэтические средства здесь подчинены главному – обретению смысла.

Невозможно пройти и мимо стихотворения «Памяти Р.М. Рильке»:

«...Еще не ощущает стебель
Утраты горсточки корней!»

Боже, какая трагедия! И как скупо и ясно выражена!

Способность в нескольких строках выразить огромный смысл – это уже дар, награда... За что?..

Может быть, за стремление к правде.

В стихотворении «Тридцатилетнее» эта правда оборачивается «гражданской казнью» поколения.

Есть меты времени на каждом поколенье.
Какой-то общий поворот и взгляд.
Мы выросли в прорехе безвременья,
О нас теперь почти не говорят.
Отбившийся от стада, отстраненный,
Отцам – чужой, а новым – шут наемный,
Мой современник точно юродивый.
Нас не успели закормить. Почти счастливо
Росли мы под гармошки и частушки.
В барачных коридорах завитушки
Развешивали мы под Новый год.
И в коммунальных кухнях весь народ
По праздникам дробил в кругу чечетку...

Лирическое переживание в этой книге не замкнуто на себя, оно сопряжено с историей страны, с культурой, с гражданской совестью. А развитые уже поэтические средства дают возможность это осуществить.

«Не говори мне о культе, Петро!
Не кровяни мою душу!
Помнишь, как ты в сорок первом в метро
Сталина клал под подушку?»

Пятая книга Людмилы Суrowsой – «Речь» (1984).
Она стала второй – поэтической – частью
«Короткометражного романа».

Здесь опять все новое.

Сейчас поражает сама форма этих стихов. В них угадано пространство грядущей эпохи – «новая прямая речь», которая затопит Россию через двадцать лет.

Но какую же речь слышит и дает сам автор:

А мы проросли после.
Мы ничего не видали.
Только разные книги
Разными голосами
В разное нас сзывали.
(«Все правы...»)

Здесь «речь» – звук и зов.

«Речи гнездовые дымится...»
(«Портрет»)

Речь – материнское лоно жизни.

Не довольно ль речи,
Чтоб ум утешить
И впитать родник
Очнувшегося сердца?!

Твердыня слова
С шелковой кожей.
Оно похоже
На яблоко
Иль гладкий,
Водою усмиренный камень –
Овал и тяжесть.

Но плоть его –
Из плоти человеческой.
Да, пульс неровен.
Он стремится ввысь и вширь –
Из ритма хочет превратиться в голос.
.....
Охотник Бог просил живую дичь,
Живую речь.

(«Элегия»)

Автор просто «схватил» Жар-птицу за хвост:
речь оказалась самой жизнью, ее духом.

Но в противоположность живой являет себя
и неживая речь.

«Если вы хотите убить слово,
Сделайте его товаром.
Организуйте рекламу, поднимите цену, –
И очень скоро
Его станут покупать,
А не слушать».

(«Интермедия 84»)

Написано это в 1984 в шутку, в поле диалогов о поэтической форме и содержании в московских клубах поэзии. А вышло – пророчество.

Вот несколько слов из «Творческой автобиографии»: «1984 год – разгерметизация внутреннего мира. Вдруг хлынули какие-то новые ритмы. Внутри стиха возникает новый движитель – речитативный ритм реплик, возгласов. Все пляшет: строчки, слова, образы – несутся вдогонку друг другу, а то – навстречу... Бега. Даже когда стоишь – бежишь. Бегут в тебе чьи-то слова. Чьи? Кто это сказал? Вот и ищешь, слушаешь. Не стихи, а пьесы. Одна прямая речь без слов автора».

Все правы.
И те, что Его рисовали
Во славе летящим,
И те, что главу приклонив,
Возле Лика стояли, прося и лукавя,
И те, что рубили в щепы,
Потому что мы сами боги, –
Нечего горбиться.

А мы проросли после.
Мы ничего не видали.
Только разные книги
Разными голосами
В разное нас сзывали.
Каждый выбрал стремнину
И поплыл наудачу.
А время, ты знаешь,
Течет неизвестно куда.

Всех разобрали реки.
Всех оседлали горы.
Всех ослепили норы.
Пойду с фонарем по свету.
Ау! – закричу громко.
Дерево выглянет, знаю.
Куст подорожный завьется.
Может, щенок шелудивый примкнет,
Да вшивости я испугаюсь...
Полно, обманщица!
Мне – не тебя!

«Дать жизни через тебя быть», – как-то написала Цветаева. В этот период, как признается автор, жизнь сломала все перегородки и затопила собой. Книга «Речь» – школа уже не собственного лирического переживания, а со-чувствия, отзвука на все. Она дала новые по форме стихи: стихи-пьесы.

Шестая книга – «Перекресток» (1985–1986).

Встречаемся на перекрестке,
на остановке,
на заминке,
на выборе,
на передышке,
пока в починке.

А только двинемся – прощай!
Одна судьба на две не делится.
Захочешь если – навещай,
Когда следы сотрет метелица.

У книги правильное название. Перекресток – место встреч, причем коротких: зажегся светофор – и все побежали по своим делам. И стихи в этой книге короткие, лаконичные, стихи-встречи.

Встречи со старым верстаком:

Бабушкин верстак знает много.
За него отдали корову.
Его везли на телеге
Совсем из другой деревни.

С него сметали опилки,
Протирали сухой тряпкой...
А теперь он стоит без дела,
В холодном стоит хлеву.

Или с маминым халатом:

От пота и солнца
Выгорела, поблекла
Спинка халата.
Не порвать утюгом, пока глажу:
Мама привыкла к нему,
Хоть и нескладно пошит,
Хоть и цвет не ее.

Или с маленьким ребенком:

Дитя за решеткою детского сада.
Дитя, потерпи!

Или вообще встреча может не состояться:

Забыла утюг,
Пришлось возвращаться с дороги.
Кошка откуда-то бросилась прямо под ноги.

Не было уже никакого резона
Идти на встречу.
А вечер у подъезда все стоял,
Все ждал, почти по-человечьи.

Последние две строки вызывают сквозняк по всему позвоночнику – стихи! Образы не просто взяты из жизни, все они принадлежат какой-то новой реальности, новому духовно-художественному единству. Мы почти чувственно ощущаем это. Не просто слышим что-то о мамином халате, а ощущаем его тепло. Не историю верстака, перешедшего в женские руки, узнаем – а грозную судьбу семьи, рода.

Есть в «Перекрестке» и новизна поэтического стиля. Все описывается здесь чрезвычайно лаконично, сжато – не рисуется, не живописуется. Внешнего почти не видишь, но зато каждая поэтическая ситуация как бы «разламывается», открывая свою глубину, обнаруживая свои внутренние силы.

Здесь автор явно проходил школу аскезы: ограничение художественных средств шло ради обретения смысла. Отсюда и простота интонации в книге. А темы очень высокие, философские, «думная» поэзия:

...И тщетно я ищу среди родни
Судьбою меченных и праздных.
При деле все.
Вот резчик нарезает облака
Над бывшим домом.

Вот пастух, свирели не выдавший,
Клин журавлиный гонит.
Женщин череда
Отраднo каждый год рождает,
Что надобно земле...

Где песенник?
Где скоморох-ломака?!
Где богомаз-могильщик?!
Ни следа...
И не было, как говорят,
Попыток бегства.

Все здесь на фоне вечности. Форма же обманчи-
во проста, незаметна и норовит вообще исчезнуть,
оставив лишь конструкцию ритма.

...И даже не глина.
Ибо глина
Стремится к единственной форме.
Обжиг ее умерщвляет:
Уже не материя – вещь.
Свободна от жизни,
От этой руки беспощадной,
Которая давит и мнет,
И хочет чего – непонятно.
Свободна быть амфорой,
И только ею.
Венериным торсом,
Или ее рукою –
Но никогда уже
Всем сразу
Одновременно,
Никогда уже –
Человеком.

По жанру – это записки, пришедшее на ум. За работой, в пути, в магазине, за обедом... Жизнь русского пытливого духа, который везде и во всем ищет смысла и правды. Книга не песен, а слепков, сколков времени.

Вообще, я беру очень маленькую долю того, что есть в книге. Может быть, только то, что лежит на поверхности. Глубина же ее ощутима, думаю, будет всеми.

Седьмая книга – «**Называемое любовью**» (1986–2000).

Эта последний раздел в «Позе бегуна», собравший написанное за четырнадцать лет.

Мы прожили несколько эпох за это время, произошел социальный переворот в стране, сменились общественные идеалы, померкли прежние культурные ориентиры. Звуки жизни изменились, и в книге они слышны.

Начало книги «Называемое любовью» – это признание поэта в любви к жизни, к ее вечной силе и славе.

Мне мячик, мне! Авось, поймаю!
Бей, мальчик, бей! Авось, простят!
Мой был такой же в красно-синем мае.
Нет, этот мой! И мяч! И свет! И сад!

Очень силен эмоциональный замах в этой части книги.

А вот совершенно другое по звуку стихотворение:

Июнь промыл глаза,
на цвет и свет сегодня угомону нету.
Чтоб не ослепнуть – вот,
Смотри сквозь тополиный флер
на бедную планету.
Не изошла б, не улетучилась бы вся,
как йод.
И можешь разорвать ее сейчас на атомы –
рассыплется – и атом расцветет.

К середине книги интонация меняется. Образы
и ритмы стихов предвосхищают новую грозную эпоху.

Здесь, в узилище нашем,
Дар, учти, окружен смертоносною злобой.
В оба гляди,
Дабы не вызвать ее из гроба
Нашей подземной кооперативной души,
Размещенной в гремучем аду,
Где станции ах хороши!
И отделаны мрамором все,
Голубым, золотым, ритуальным...
И престол – чей престол?!
Освещается пламенем жертвенной наковальни?

Невероятные события начинают происходить
в 90-х годах и в реальной жизни, и на экране те-
левизора. С ужасающей быстротой сменяются
лица, слова, гремят взрывы...

Не только новые темы вводятся в искусство,
его насильственно обучают неорганичным рек-
ламно-новаторским формам. Язык поэзии оказал-
ся как бы взорванным изнутри. Началась эпоха
разрыва традиций.

Противостоять ей можно было только огромным напряжением сил. И Сурова поворачивается в этот период к славянским истокам нашего языка.

Жизнь?

Покуда спит она,
Многоглаза и хороша,
Послушаем, что говорит
Заклученная в ней душа.
Простучим границы ея:
Съежилась ли, расползлась?
Пульс прощупаем:
Не изошла ли, лиясь?
Произрастая, мудрствуя, боготворя...
Не иссякла ль – из твари сплавляясь в «Я»?
Спекаясь во множество
Противоборных тел,
Коим вражда положена как удел,
Коих болезнен самый совместный свод,
Коих раздел – да не пресечет род
Человечий, тоскующий, Божий –
Звезда в кулаке!
Повсюду устроивший брачные ложа,
На каждом,
Свободном от казней,
Гнилом пятаке.

Книгу «Называемое любовью» никак нельзя причислить к «новой литературе». Она – не плод «новой России», нет. Она не конъюнктурна, а традиционна и даже классична по своим внутренним законам, то есть движется глубинными впечатлениями автора, а не внешним запросом времени.

Книга включает в себя и долгий период молчания («несколько лет – по стихотворению в год, и то – не каждый!»)

«Время молчать! Так пусть будет время молчать!»

Форма стиха в книге «Называемое любовью» самая разнообразная, она отражает те множественные изменения нашего внутреннего и внешнего пространства, которые происходили в это время. Сплетение ритмов, их ускорение или растяжение, неожиданное укорачивание и удлинение строк. Пульсация самой нашей жизни, кажется, слышна в них.

Движение стиха обычно задается рифмой и подхватывается размерным ритмом, а в этой книге многими стихотворениями движет внутренний ритм.

Вообще, движение стихотворения можно сравнить с течением реки. Движение стихотворения со строгой рифмой может соответствовать поверхностному течению, которое мы видим. Внутреннее движение стиха (без рифмы) – подводное течение реки, которое ведется бьющими со дна ключами. Мы их не видим, но можем почувствовать, если войдем в воду.

Такое движение наблюдается во многих стихотворениях Суровой. Это наша речь, но как бы освобожденная от земной тяги, не подвластная ей. Она развиваются по каким-то внутренним законам жизни, ритмическим и смысловым. Это рождает уже другую поэтическую материю, более простую и одновременно напряженную.

Эта новая мерная речь, свободная от узды внешнего жесткого ритма, особенным образом приспособлена к созерцанию – и открывает новые возможности в поэзии духовного опыта. Так, в конце книги возникает цикл «Август».

Август. Дожди летают.
Плоды наливаются желтой и розовой тягой.
Осы снуют, сшивая цветы с цветами.

Где в этом райском саду сердцу местечко?
В кроне ли светлой? В траве ли пахучей?
В воде ли прозрачной?

Все норовит оглянуться в поисках друга.
Ау! да ау! – во сне, как в лесу, раскричалось.

Неба проем сливовой ветвью исколот.
Где-то Господь...
Моисей, Авраам, Илия...

В эту эпоху всеобщего шатания автор ищет опору – в вечности. Теперь любовь, главный движитель жизни, становится противостоянием миру, любовь – горний путь.

Как связывает нелюбовь!
Рукой не двинь и слова не скажи!
Не так, не надо, не хочу, не трогай!
Куда бежать и где найти укрытье
Для плоти раненой, исполненной обиды,
Зажавшей в кулачок гремушку воли?..

А сухоликие пустынники когда-то
Вериги нелюбви считали даром,
Ниспосланным им в рудники свободы...
Но как нам им поверить?!
Как перевесть слова – в слова?!

Да много еще сокровищ в этой книге: например, стихотворение, посвященное Мандельштаму «Колченог, ну уж точно горбат...» или «В мастерской художника»: «На ощупь, носом поводя...» и еще...

Вот каковы эти **семь книг**, составившие «Позу бегуна»! Это подземные ручейки из огромной, неизвестной большинству читателей поэзии 70-х, 80-х и 90-х.

О первых книгах Людмилы Суровой можно сказать: автор зорек, внимательно смотрит и видит жизнь. О последних – он ее в полноте живет! То есть живет не только собственными чувствами и думами – но стал неотделим от жизни своей земли, страны, ее духа.

И что радует – вся книга «Поза бегуна» насыщена светлыми, теплыми тонами. Какая-то просветленность стиха... Но никакой легковесности нет. Наоборот, некоторая даже тяжесть. Тяжесть правды. Это может кого-то и испугнуть...

По своей фактуре стихи напоминают мозаику, выполненную талантливым художником. Прекрасно подобраны разноцветные «камешки», которые являют собой картину – стихотворение с его глубиной и неповторимым звучащим рисунком.

Каждое стихотворение – мозаика; и каждая из семи книг – тоже мозаика, но более углубленная, широкая и интенсивная по цвету.

Следующая книга Людмилы Суровой – «Прогулки по воде» (М., Академия поэзии, 2002).

Она совсем другая. Это не избранное, она вышла, как только сложилась. Разговор о ней хочется начать вот с какого стихотворения:

Неужто читатель?
Не скупщик? И не торговец?
Не швец и не жнец?
Неужто за словом?
Не хлебом?
Неужто поверит?
Неужто не отойдет?

Здесь подслушана очень тревожная тема: исчезновение (или почти исчезновение) читателей поэзии. Да и кому читать, если мы все либо торговцы, либо скупщики, и для всего, что не относится к нашему делу, наш слух замкнут. Многие сейчас не живут, а выживают.

Но ведь читатель и писатель – пара. Если мы хотим, чтобы писались стихи и была поэзия, то должны сохранить в себе читателя.

«Прогулки по воде» радуют новизной. Форма стиха в книге живая, органичная, почти разговорная. Это уже не мозаика, а какой-то новый текучий, самодвижущийся «материал». Появились не только новые ритмы и звуки, но какая-то

совершенно новая пластика строки и часто – точная рифма.

Книгу открывает «Обская тетрадь».

Расслоили жемчугом лазурь,
Заводей одурь, ольхи – дурь.
Как блажной, куражится закат,
Иль заре неназванный брат?
Кистенем-тко ребятки зазвелят,
Побалуют, поиграют, пошелят.
Беловодье, белорыбье,
Стынь да стон.
Лихомань да разоренье,
Пьянь да сон.

В этом цикле девять стихотворений. Они написаны как-то совсем по-другому, с большей свободой, чем раньше, и другими словами.

Прочтем стихотворение «Закат горел картинно-золотой...».

Вот его конец:

И вдруг среди ивово-ольховой дремоты,
Как брюхо полоснул ножом татарин,
Разлился огонь кровавой красоты,
И вспыхнул мир, по-княжески одарен!...

До полуночи этот пир звенел,
Томя сердца предчувствием расплаты, –
Как конница вдруг ураган влетел,
Подъяв валы воды на берега латы...

Здесь поражает, в первую очередь, почти эпическая мощь стиха, которая достигается раз-

мером, ритмом и употреблением предельно высоких архаичных слов-образов. Автор не боится теперь насыщенных красок – речь вышла на свободу, на простор. Теперь стихи пишутся одним куском: не словами, не строчками – а строфой.

Так, в стихотворении «Белые реки раскинули руки...» происходит прорыв в какое-то совершенно новое поэтическое пространство. Пространство мощных звуков, эпических образов и особой, личной интонации.

Белые реки раскинули руки
Купол небес поддержать.
В сгнивших домах уцелели старухи –
Это ли Родина-мать?

Всех унесло, заморило, забило,
Спутало, съело, ожгло...
Что ж не погасло дневное светило?
Светит и светит оно,

Нам отпуская недели, и годы,
Месяцы, дни, и часы.
Катят и катят сибирские воды
Мимо своей же красы.

Что за судьба удалых да везучих –
Все-то им пить да поить.
Лишь Абалак зацепился за кручи,
Чтобы молитву творить.

Всему же Обскому циклу присущ несколько сумрачный колорит. Человек и мощные силы стихии противостоят друг другу. Это уже не «прогулки»

по воде, а переплывание реки с бурным течением. Но человек, сумевший заключить бурную стихию в стихотворную форму и заставивший ее жить в ней – выходит победителем.

Другой цикл книги «Прогулки по воде» – кавказский, «Колхида».

«Заход луны. Кто б знал, что ты окрасить
Способна небо алым серебром?»

И опять высокий шаг-ритм, насыщенность царственной лексикой, а также красками – глубокими и тяжелыми.

Совершенно, на мой взгляд, стихотворение «Нагой апрель. Теплынь который год...» из цикла «Апрель». Там есть вот такая строфа:

Какая силища в оврагах поднялась,
Желта, лилова, розова, глазаста.
Не самозванец на престоле – князь!
Всем вольные подписывает – баста!

Как все-таки рифма (точная) усиливает стихотворение, делает его более напряженным, более звучным.

Есть в «Прогулках» и новые поэтические решения для вечных «некрасовских» тем.

Ты глянул. Не суди, брат.
Я иду, как тысячи людей проходят мимо,
Своей судьбой ловима и гонима,
Что до тебя мне,
Грязный мой!

Без возраста, без пола, без пальто,
В такой мороз,
Побитый спозаранку,
Мычишь, шевелишься-нето?
Кто ж выстрелил и не нашел подранка?
Безносая, поди, у головы,
Куда мне деть глаза –
Тебя не видеть?
Всплывает школьное: терпеть, обидеть,
Зависеть, гнать, дышать – увы!..

Духовная тема также представлена здесь высокими метафорически емкими строфами.

Молитвой прорубь прорубить,
Аукаться воде и слову.
В электрошоке жизни быть
Водоразделу и улову.

Хоть снасти-силы прорвались
И сердце вспыхнуло испугом,
Все ж рыбьим серебром наполним вись,
Спасаясь друг за другом!

И вдруг в конце книги неожиданно меняется интонация, возникает какая-то дурашливость, раек, стихи-присказки, почти частушки:

«Ум еще не сердце,
Сила не судьба.
Огненного перца
Обожглась губа!»

Нескладушки с «вселенским смыслом»:

Мужики нахохлились,
Бабы замотались,
«Мерседесы» - «Ауди»
В городе остались.

Прочие же лошади
Враз не завелись.
А на Красной площади
Снегурки завелись.

«Прогулки по воде» – очень русская, веселая книжка. Жаль, немногие с ней знакомы...

Разговор о звуке вплотную нас подводит к следующей книге Людмилы Суровой – «...Так горяча...» (М., Академия поэзии, 2005).

Читая эту книгу, я старалась понять ее, но сначала никак не могла.

В принципе, само понимание подразумевает какое-то логическое развитие стиха. И, следовательно, его логическое завершение – в усвоении. Но это совсем неправильное чтение поэзии – стихи нужно не понимать, а слышать.

И вот я вновь открыла книгу «...Так горяча...» и вдруг... услышала ее! (Даже день запомнила, когда это случилось – 9 сент. 2007 г.) Хочу привести некоторые строки из стихотворений из раздела «Уличные песни», которые, вместе взятые, позволят, надеюсь, и вам услышать звучное многоголосье этой книги.

Вот они:

«А в окне все другие люди, как острова,
Иногда и звоны летают, иногда слова...».

«А небесная держава
Вьюгой воет за окном...».

«Попал! Промахнулся! Достал! –
веселится народ...».

«И вечный бой сменен на вечный зов –
«Официант!»

«И боль матерком умирят...»

«Да словеса умы дурманят...»

«Привет, всетелефонный шумный дом!...»

«Кричит, простил ли долг?
Не врал, не крал ли?
Всех тычет пальцем –
а любил ли ближних?»

«Галдеж, дребедень,
а когда – и слеза, и гроза...
С одой вот туго, но слыхивали голоса...»

«Бушует сосед,
пиявочкой белой укушен,
Стонет и плачет,
грохот стоит по ночам...»

«Окает, акает, цокает тьма
с Данилова да Твери...».

Последнее стихотворение в книге стоит с эпиграфом «...Аттракцион «Земля» Эти слова могли бы стать названием книги.

Гремим, звучим, поем, лжем – и все это крутится, летит от земли к небу и с неба снова в землю. Кто-то где-то кричит или поет?

В материалах к «Творческой автобиографии» автор пишет: «Чужие ритмы теснят все твое. Слышишь, что начинаешь говорить не своим голосом. Сердце завоевано чужими судьбами, оно живет их, а не твою жизнь. Эти чужие ритмы, чувства, слова сами находят себе отзвуки, свиваются в стихи. Это уже не твои песни: любовные, походные, застольные, не сказки, а чья-то другая речь, вопль, стон... Кто говорит – не видно, зато слышно, что ему отвечают».

Восприятие стихов в книге «...Так горяча...» подобно книгам Ф.М. Достоевского. Там тоже, прежде всего, слышны звуки жизни. Даже фабула произведения не так важна, как эти звуки. Обрывки разговоров, обрывки мыслей, поступки – все это перемешивается. Книги Достоевского кричат. И когда закрываешь его книгу, как бы придавливаешь всех этих кричащих, страдающих людей. И наступает тишина.

Что происходит в произведении, можно сказать двумя словами. А ЧТО оно такое – нужно услышать.

Все высохло. Степь.

В свой мешок раскаленный поймала сады.

И город героев томится от суши, листву изожгло.

У Графской, где судьбы рвались,
Карнавальный парад:
Юнцы для дедов ракеты по целям пускают!

Попал! Промахнулся! Достал! – веселится народ.
Ура! Не забылося ратное дело! Воюем!
А к ночи цветы фейерверка займут небосвод...

Эскадру, уснувшую в море, помянем и сплюнем,
Чтоб нас миновала подобная грозная честь,
Чтоб все ж докурить, долюбить нам,
допить и доесть!

Какая сопричастность своему народу! «Воюем!»
И стыд, и обличение! С какой болью вошла сюда
скрытая цитата из поэта-фронтовика Николая
Майорова: «ушли, не долюбив, не докурив
последней папиросы»!

Книга «...Так горяча...» встала кометой в судь-
бе автора. Она замечательна еще поэмой «**Пре-
ступная любовь, или Повесть о Тристане
и Изольде**».

Это произведение только по внутреннему образу
поэма, по форме же это – площадная пьеска, бала-
ганчик. Все действующие лица: Тристан, Изольда,
Скоморох-комедиант, Пьеро – все говорят моноло-
ги, не слыша друг друга. У каждого свой звук
и свой ритм.

Пьеро и Скоморох комментируют события, про-
исходящие в поэме. Скоморох – фиглярствуя,
Пьеро – возвышенно поэтически.

Откуда, почему вдруг явилась такая архаичная народная форма? Да еще на любовный евросюжет! Герои оказались как бы меж двух времен: нашим и средневековым, и живут каждый не только свою сегодняшнюю, но и свою прошлую, вечную жизнь. Память о ней – фон для всех монологов.

Одной из вершин поэмы является монолог Изольды:

«Ты себя таким не видел!» –
Шепчет дева Кудеяру;
Льнет к Самсону смерть-Далила:
«Ты себя таким не видел...»

Кудри черные стекают
С успокоенного ложа,
Сбиты градом поцелуев
Все обеты и года.

Спит Давид в объятьях Виры –
Молодой, не царь, не воин...
Соломон ребенком дышит
На груди возлюбленной.

«Ты себя таким не видел», –
Ночь звезду пошлет к окошку
Врезать этот новый профиль
В изголовье бытия...

Ты себя таким не видел –
Отчей милости затишье
Брезжит радугой нетварной,
Мир животворя.

...Кудеяр проснется – в слезы.
В смерть Самсон шагнет отважно,
В славу претворит виденья
Царь Давид, прильнув к струне.

Соломон богатства ночи
В слово обернуть захочет –
На Экклезиаста списке
Пишет Песню Песней.

Да ведь это настоящий гимн любви, прорвавшийся к нам сквозь тысячелетия! Любви, которую нельзя убить, которая часто приносит трагические и великие плоды. Настоящая любовь не может быть бесплодной, даже если она заканчивается смертью возлюбленных. Вспомним «Ромео и Джульетту» Шекспира – влюбленных друг в друга погибших детей.

Плодами этой любви человечество живет по сей день.

Второй вершиной поэмы является последний монолог Изольды. Он повторяется трижды всеми участниками драмы:

Господи, если здесь она так горяча,
Что сердце готова расплавить, сердца камень,
То там у Тебя, какова же любви свеча,
Океана ли полымя нежное под руками?

Ты и Сам ведь ведешь от нее Свои жизнь-словеса,
Раю печатного вырезал доску под пряник.
Весел, Адаме, теперь у судьбы колеса,
Птицы, и звери, и весь наш спасен конопляник.

Как мала оказалась земная любовь по сравнению с любовью Небесной! Удивительна композиция поэмы: развязка неожиданна и радостна для читателя.

Хочется добавить, что при прочтении поэмы создается впечатление, что действие происходит в Средние века. Несмотря на современную канву и лексику Скомороха и Пьеро, в поэме каким-то образом сохранен дух того времени (или любовь вне времени?) Все равно, не верится, что она написана сегодня.

В «Тристане и Изольде» наиболее ясно отразилась характерная черта, свойственная стихам Людмилы Суровой, – это некоторая «тяжесть». Она обусловлена значимостью каждой строки. Это шекспировская тяжесть – тяжесть меда. Другими словами, стихи «не разбавлены».

Вот какой путь был у поэта к сегодняшней книге «Радонец-сад». Она возникла, как мы говорили, не на пустом месте. Все, что было сказано о звуке, развитии формы и темы во времени, относится и к ней.

И все же «Радонец-сад» – особенная, духовная, книга. Все события и чувства переживаются и осмысливаются здесь в свете Священного Писания и Предания. Каждое движение души автора сопряжено с библейскими церковными образами, именно они являются для автора камертоном.

Второе, что нельзя не отметить, это – высокая гражданская позиция автора, острота переживания окружающего.

То, что произошло и происходит сегодня в России, не может не тревожить сердца. Как воздуха, не хватает правды! Только она сегодня может удовлетворить поэта. Да и читателей тоже!

Книга, которая лежит перед нами – это путь к правде. Это – правда о нас (может быть, подчас и неприятная). Правда заключена и в надежде, которой живет автор. Ведь не зря книга названа «Радонец-сад».

Но правда в этой книге не носит чисто умозрительного характера: вот это есть, и я об этом пишу. Здесь – правда по вере. Автор живет в мире, «в котором Крест сооружен». Это мир жертвенный, подаренный, выстраданный. И сокрушения поэта происходят и от попрания правды Небесной. Святость и совесть – вот куда держит путь поэзия!

В «Творческой автобиографии» автор пишет: «Время теперь идет скачками, прыжками. Поэт не волен: звуки и ритмы в стихах смешиваются, слова выпрыгивают из своих значений. Понять по частям ничего не возможно – можно только почувствовать правду целого».

Книга «Радонец-сад» хороша еще и своей цельностью. Каждое стихотворение вливается здесь в общий поток. Ни одно не оказывается на обочине. В отличие от книги «...Так горяча...» (где звуки хаотичны – звуки улицы), в этой книге все организовалось в некую стройную симфонию, про которую можно сказать: это звуки «плененные».

И еще одно, что вызывает удивление: каждое стихотворение в этой книге несет в себе огромный

смысл. О каждом можно много говорить и писать. Поэтому я нахожусь в некотором затруднении: не писать же о каждом стихотворении!

Ну что ж. Выберу некоторые из них – те, на которых дольше остановилась моя душа.

Вот одно из совершенных, на мой взгляд, стихотворений, которых в книге не так уж и мало:

Хоронясь за тучу,
подбирая лучи как юбки,
чтобы в ручье не замekli при переходе,

Тенью осиявáешь любимую землю –
пусть отдохнет от света,
с которым сжилась.

Не ощутит ли его,
не обнаружит ли в сердце своем
этого злата,

Тысячелетья текущего медом,
медом и манной.

Здесь пленяет не только необыкновенный ритм и знакомые из молитв слова. Дух радуется скрытой, растворенной в стихе цитате из апостола Павла: «...не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас...» (*Деяния апостолов. 17. 27.*). Вот так неожиданно образ оказался укорененным в Предании.

И еще. В этом стихе отразился один образ народной веры, а именно: объяснение иконы «Троеручица». Записи из «Творческой автобиографии»: «Бабушка так рассказывала. Идет

Богоматерь с Младенцем Христом на руках. Ста- ла переходить ручей, а тут пошла откуда-то небольшая волна. Она подхватила юбку, чтобы не замочило водой, – и покачнулся Младенец на одной-то руке. Вот и выросла у Богородицы тре- тья рука поддержать Младенца Христа».

Вообще, если читать внимательно, можно заметить, что вся книга «Радонец-сад» полна отголосков церковных Преданий. Она как бы прошита, скреплена незримыми духовными свя- зями – и тем духовно активна, собирает наши внутренние силы.

Оттого эта книга и трудна... как настоящая жизнь. Стихи здесь напряжены последним огром- ным напряжением. Каждая строка стоит, как впрыгнувший в последний момент в уходящий по- езд пассажир. А ты за ним следил. И вот уже смот- ришь – то ли с облегчением, то ли с восхищением, как он успел и едет. А куда едет? Туда, куда влечет его путеводная, духовная сила стиха.

Как и в предыдущих, в этой книге Людмилы Суровой нашли свое отражение многочисленные поездки автора, путешествия по разным стра- нам, городам и весям. Святая земля, Кавказ, Турция, Греция, Румыния, Англия, и, конечно, наша необъятная земля-страна. И везде поэта интересует не жизнь внешняя, он – не экскур- сант и не поверхностный наблюдатель, ему важ- но почувствовать душу каждого нового места, понять суть другого народа, языка. О чем-то появились поэтические заметки в прозе, что-то дало дыхание стихам.

Поездка в Грецию родила цикл «Западным ветром». Определенно эта страна наложила свой отпечаток на мироощущение поэта. Сколько свежести, воздуха, ветра в греческих стихах! Невозможно было бы их написать, находясь в России. Только разлука с Родиной и уход в какую-то новую, совершенно непохожую на нашу, жизнь, позволила поэту найти такие строки:

Сегодня дышать тяжело.

Тучи проходят над Родосом
на высоте, невыносимой для сердца.

Видно, в родной стороне
ливни замучили землю...
Или папа болеет
и восточку слезную шлет.

Есть в Родосском дневнике и еще одно, совершенное на мой взгляд, стихотворение. Вот оно.

Гроза разразилась в Афинах
у Олимпийского Зевса, у храма его
в день Пресвятой,
в Богородицы Рождество.

Как спорил Зевс с Кротчайшею из жен!
Как рушил вечные твердыни неба!
Как молнии сыпал, колесом вертел,
взбешен в своем доме высокогорном...

Жди камнепада, серного дождя,
огня бушующего...

Но в ответ – лишь слезы,
сначала капли теплые, потом...
потом потоки...

Искупительной рекой,
не быстрой, не сбивая с ног прохожих,
но омывая и моля, моля
за всех идущих...

Ну как ему снести такую тишь?!
И как спастись от этой необъятной,
не требующей ничего любви?!

Наутро город был полон родников.
И в каждой выбоинке камня вода стояла,
золото с водой...

А небо?
Да вовсе не было его.

Необычна и сама композиция греческого цикла. Это дневник образов, но почти все стихи имеют надписи. Это – не эпиграфы, а экспозиция, предварение основного текста.

Другой цикл книги – «Благовест», это стихотворения памяти погибшего духовного друга.

Стихи этого цикла дают читателю почти ощущение пережить встречу с горным миром. Духовный опыт автора становится незримым проводником на его путях. Здесь перед нами такая тонкая поэтическая материя, что неподготовленному читателю она, может быть, совсем не видна и не интересна. Из стихов исчезли все «манки», но появилось что-то новое, какая-то тишина вокруг строк.

В стихотворении «Спят ли души ушедших?» мы почти реально слышим пронзающий душу

диалог между поэтом и погибшим монахом. При чем речь монаха не слышна, а как-то угадывается. Ответы же – вот они! – открывают тайное.

«Конечно, не спишь!
Как молиться привык на рассвете,
Так и сейчас, слышу,
                                стоит душа на молитве
Ночью с двух до пяти».

Весь цикл пронизывают духовные вопрошания поэта. Не может душа не лететь вслед ушедшему, крепка духовная связь! И мы вспоминаем своих ушедших... Поэзия и нас ввела в духовное общение с близкими.

Но самое непостижимое в этом цикле то, что тема утраты оборачивается здесь не скорбью, а светом, приближая к нам жизнь совершенной радости – Вечного бытия. Цикл «Благовест» не случаен в этой книге: в нем приоткрывается правда, которую здесь, на земле, мы почти не видим.

Переходя к другим стихам, можем спросить – а чем здесь живем? Нашими молодыми! – считает поэт – душа народа сейчас в них! Но до нее не так-то легко и добраться, не откроется она досужему человеку (см. стихотворение «Откуда ты такой голубоглазый?»).

О молодых есть в книге «Радонец-сад» одно совершенно неожиданное стихотворение.

Обочина едет,
Дорога стоит,
В затылок Москва толчется.

Почти что в песок стоптали гранит,
А в руки звезда не дается.

Не тех ли молоденьких братьев-солдат
Она златоустая память,
Что землю покрыли как майский град,
Как цвет небесный полвека назад,
Да в славу их не обрамить.

Не верили в духов, не чтили Креста,
А молитв и подавно не знали,
Жизнь их была как береста,
На которой приказ начертали,

Не слово любви, а слово «умри»
вышло с белым лицом,
И вспыхнула береста огнем
Перекрестным бойца с бойцом.

Теперь помирились они с душой,
С просьбами нам не снятся,
Разве за наш балаган большой,
За нас, как отцы, боятся.

Невольно возникает мысль: а есть ли у кого-нибудь еще из поэтов такой образ «сынов-отцов»? И из каких глубин народного духа он вышел?!

Читатель, наверное, уже обратил внимание, что последняя книга Людмилы Суровой, которую мы читаем сейчас, как-то не требует разбора формы. Она не демонстрирует себя, не видна, но мы верим ей. Идем за словом, как по тропинке через лес, поле, спускаемся в овражек, поднимаемся на холм... И сколько открывается картин по сторонам!

Неужели мы не видели этого раньше? Вроде были здесь, ходили... а вот на тебе!

Красавица моя! Как за угол зайдешь.
Да как откроются по Язуе мосты –
Заходится душа, неужто ты уйдешь,
С лица земли неужто сгинешь ты?!

Самая замечательная строфа в этом стихотворении, по-моему, вот эта:

О пылкий дух Отечества святого!
Не в блеске куполов его душа,
А в милости сердец: не наказует строго,
И тех, к кому судьба не хороша...

Жива душа народа, мы чувствуем, несмотря на все потрясения, она остается нетленной! «Милость сердец!» Вспомним нашу терпимость и жалость к арестантам, открытость к чужеродным! Вспомним, как в Отечественную войну 1812 года наши русские бабы вытаскивали из грязи замерзших французов.

Вспомним, как обреченные евреи из толпы выбрасывали своих детей на руки русских женщин. Вспомним, как относился народ к убогим и как относится.

Вспомним, вспомним, вспомним...

Вот ведь какая эта книга! Смотрите, она погружает нас в память, и не только нашу, а память народа, в его духовное хранилище.

А теперь о самом остром, правдивом и, может быть, самом значительном стихотворении книги – «Новогоднее». Это стихотворение-манифест, обличительное

тельный и призывный манифест. (Кстати, в других книгах тоже есть стихи такой тональности: например, «Тридцатилетнее» в книге «Мастерская»).

«Новогоднее» шло, – по словам автора, – почти год, писалось толчками, несколько раз заканчивалось, потом опять продолжалось, пока не разрешилось классической концовкой». Оно – плод огромной внутренней работы души. Это гражданский акт слова, его отклик на ложь, фальшь и боль времени.

Своей стране я пожелаю в Новый год
Остановиться на путях разврата,
Чтоб брат, а не браток искал объятий брата,
Чтоб поворот произошел, не «наоборот».

По напряжению, по емкости строк и строф, по призыву, граничащему с отчаянием и все же с надеждой, это стихотворение заставляет нас вспомнить стихотворение М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

Вот эту его часть:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!

Не правда ли, читатель, действительно похожи интонация и ритм!

А еще, мне кажется, их объединяет страсть. У Лермонтова – это страсть обличения. В «Новогоднем» – страстный призыв, воззвание к русскому народу, желание пробудить его, поднять на жизнь, на подвиг.

Много еще можно было бы сказать о стихах книги «Радонец-сад». Но все же лучше их читать самим. Это действительно сад, по которому можно ходить и... куда-то выйти. Чтение этой непростой книги осветит читателю его собственную жизнь и, будем надеяться, даст тот благодатный импульс, который увлечет его по пути добра и надежды.

С уважением к автору *Ольга Сергеева*.

P.S. Прочитала. Получилось, что «Радонец-сад» – логический приход поэта к духовной поэзии. Но, на самом деле, он продиктован многими причинами, и, конечно, не только тем, что «взошел» на предыдущих книгах поэта. Здесь, может быть, эти книги и не играют такой большой роли, или играют в смысле роста мастерства. Но что-то произошло в самом поэте, в его душе – и этот потрясающий накал всего уже написанного вылился вдруг в свет, в радугу небесную, во всеобщее просветление.

Нет, настоящее не определяется прошедшим... Чего можно было ожидать после книги «...Так горяча...»? Бог весть...

Так что, и войдя в творческую лабораторию Людмилы Суровой, мы поняли, что нам не все здесь открылось. Мы лишь увидели, как жила форма, как изменялись звук и ритм стихотворений и как все это перешло в книгу «Радонец-сад».

Но сам прорыв к свету в последней книге – это откровение, данное свыше. И именно это отличает «Радонец-сад» от предыдущих книг автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Еще одна книга	3
«Все ждут дождя, а он ждет, видно, ночи...»	5

СТИХИ 2005–2006

«Хоронясь за тучу...»	7
«Умерь потоки, небо!»	8
«Племя праздношатаев...»	9
«Обезумела фиалка и цветет, цветет, цветет!» . . .	10
«Ветер в окно...»	11
«За здоровьем к Богу пришла соседка-татарка...» . .	12
«Поплачь, батюшка!»	13
«...И не успели выкопать герань...»	14
«...Еще не всю покрыв ее...»	15
«Звезда опустила мне на руку...»	16

Западным ветром. Родосский дневник

1. «Так вот за что великий Байрон отдал жизнь!» . .	17
2. «Как спорил Зевс с Кротчайшею из жен!»	18
3. «Если сидеть на берегу моря долго...»	19
4. «Сегодня дышать тяжело...»	20
5. «Он вышел в сад...»	21

Благовест

«Благовест? или сердца удары?»	22
«Синица не может не петь...»	23
«Это птица, а почудилось – телефон!»	24
«Это ты мне приснился с черным лицом?»	25

«Доброе утро!»	26
«Господи, Ты послал ее, как весеннюю птицу...»	27
«Руки разжал и отпустил на волю...»	28
«И снега-то нет на крыше...»	29
«Перед тем как тебе заболеть...»	30
«Спят ли души ушедших?»	31
«Если б я тебя не предала...»	32
«В доме нашей жизни...»	33
«Нуждаемся в том, с кем рядом...»	34
«Когда обымет могила...»	36
«Нету молитвы...»	37
«Поэзия – посох...»	38
«Как перекрестно свет играет...»	39
«Подвижник и поэт в одном лице...»	40
«Опекающий ангел...»	41
«Как ты видишь меня со своих небес?»	42
«Прилетел комариком будить...»	43
«Ту нежность, что держали взаперти...»	44
«Так воссиять, чтобы исполнилась душа!»	45
«Сегодня тульские святые...»	46

Стихи 2007–2009

«Не смотри на ночное светило...»	49
«Казалось бы, цветок...»	50
«Замерли розы перед иконой...»	51
«Скучаю по вас...»	52
«Какие красивые женщины есть!...»	53
«Мы встретились ненадолго...»	54
«В наших снегах увязали все...»	55
«В этом тонущем корабле мира...»	56

«Жеманный слог строке дает игривый шаг...»	57
«Цидония, японская айва...»	58
«На русском много нерусских песен!»	59
«Родилась отчужденность...»	60
«Папа с новой коляской...»	61
«Дело цветка – цвесьть!», – сказал торговец...»	62
«О доброте не говорят, ее творят...»	63
«Отец повязан чувством к сыну...»	64
«Как надоели эти «американские песни»!»	65
«Телу Господь уготовал возможность встречи...»	66
«Две недели слива горела...»	67
«У правды много языков...»	68
«Обочина едет, дорога стоит...»	69
«Пока у мальчиков наших под языком...»	70
«Как чудо-занавес, серебряный тот век...»	71
«Поэту мама – Бог...»	72
«Зимой в землянке-блиндаже...»	73
«Господь говорит всегда...»	74
«Сколько раз Сезанн писал свою Викторину!»	75
«Все назвать, что видишь, что вошло...»	76
«Не учитесь складно рифмовать...»	77
«Еще гроза не улетела...»	78
«Не становись на месте святе...»	79
«Ужель свободна Ты от плоти...»	80
«Лишившая Себя всех радостей земных...»	81
«Дождь холодней и холодней день ото дня...»	82
«Откуда ты такой голубоглазый?»	83
«Заблудилась в соборе среди наших святынь...»	84
«На рисовальной бумаге сына...»	85
Новогоднее	86

«Наши мертвые нас не оставят...»	88
«Одна Клеопатра царила собою в Египте...»	89
«Кто только не ступал на воду...»	90
«Трусоват был Уар...»	91
«Все говорят, нет правды на земле, но выше правда – правит!»	92
«Бродяжка с телефоном на груди...»	93
«Красавица моя! Как за угол зайдешь...»	94
«Рвы, рвы роют на Хованском...»	95
Тот русский	
1. «Тот русский, кто Россию любит...»	96
2. «Тот русский, говорю...»	97
«Надо, надо шевелиться, вещая душа...»	98
«Крик мальчиков, играющих в войну...»	99
«Не значится в списках живых...»	100
«Посещает Господь чувством смерти...»	102
«Как за любимых уходили в монастырь...»	103
«Пусть все засохнет...»	104
«Землей занимаетесь?»	105
«Восстановлены залы дворца для новых хозяев...»	106
«Это ты? Как не забыл еще песни свои...»	107
Признание	108
«За каждый грех попробуй положить поклон...»	109
«Не уходи с земли своей...»	110
«Всем должна и кругом виновата!...»	111
«Так никуда и не ходила...»	112
«За письменным столом одно ведь время года...»	113
«Куда же старика девать?!»	114
«Мать фоном для дитяти...»	115
«Не привязывай сердца к детям!»	116

«Если б не в грех, а в молитву гнев...»	117
«Добрый вечер, мой телефонный сын!»	118
«Слова живут во мне, как птицы в поле...»	119
«Не пропусти рассвета!...»	120
Десять строк	121
«Вот и на нашем веку...»	122
«Стихи летят стихам навстречу...»	124
«Когда отыдут от груди...»	125
«Дóбре, Бог!»	126
«Жизнь любить – не жить любить!»	127

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

Дарем	129
Старый город	132
Русский бугор	135

ПОСЛЕСЛОВИЕ

<i>Ольга Сергеева. Разговор о звуке. Записки благодарного читателя . . . . .</i>	<i>139</i>
--	------------

Сурова Людмила Васильевна

РАДОНЕЦ-САД

Новые стихотворения

Издательство «Университетская книга»

Редактор – Ольга Сергеева,
Оформление и обложка – Татьяна Малюкова
Корректор – Ольга Напреенко
Верстка – Вера Брызгалова.